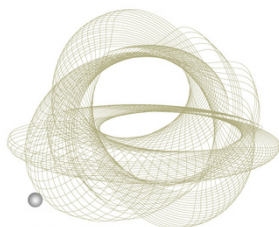

НИКОЛАЙ
БАСОВ

ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

ЭКСПАНСИЯ

Николай Владленович Басов
Ставка на возвращение
Серия «Мир Вечного Полдня», книга 6

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124437
Ставка на возвращение: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-06735-3*

Аннотация

Люди, попавшие в Мир Вечного Полдня, борются за свое право на жизнь в этом странном и чуждом мире. На этот раз ценой безумных потерь они отражают атаку коварных губисков, получая в награду еще несколько лет жизни. Однако тот, благодаря кому была одержана победа, Ростик Гринев, попадает в плен. Пурпурные превращают его в раба, лишив, как и остальных своих пленников, памяти и способности мыслить. Лишь через два года Рост находит в себе силы вспомнить, кто он такой на самом деле. А, вспомнив, начать борьбу за возвращение домой...

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Часть II	38
Глава 7	38
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Николай Басов

Ставка на возвращение

Часть I

Голодное рабство

Глава 1

С сознанием происходило что-то странное. Иногда Росту удавалось сосредоточиться, и тогда он понимал, что, собственно, делает. А потом снова все проваливалось куда-то в тартарары, и он не воспринимал то, что видел, не помнил, где находился и какие действия совершал.

Так случается, например, при сильном сотрясении мозга, которое когда-то у Ростика было. Тогда он тоже что-то делал, куда-то шел, с кем-то разговаривал, но не понимал того, что с ним происходило. Вот и сейчас... Но он-то точно знал, что сотрясения у него не было. Оставалось только одно – он, наверное, умер, и загробная жизнь все-таки существует.

А потом, во сне, в какой-то нелепой подвешенности, он вдруг понял, что ему просто-напросто выключили мозги. Тогда он стал исследовать собственное сознание. И пришел к удивительным результатам.

Оказалось, что между его способностью понимать мир и действовать в этом самом мире существовала некая перегородка, прочная и непробиваемая, как брандмауэр. Иногда он мог ее ощущать, и тогда она причиняла ему жуткие муки. Он думал, что самое болезненное – боль физическая либо боль от потери близких людей, например, отца, который остался на Земле... Ага, Рост помнил, что у него был отец, что он остался на Земле после Переноса в... А он, Ростик, его мама, Любаня, Ким – перенеслись. Потом произошло много всего, но он это уже хуже помнил, только самое главное.

Помнил, что кто-то бил его в подземелье, пытался унижить, чтобы Ростик сломался, что-то подписал или в чем-то признался. Потом было еще... Что же было еще? Да, потом был его сын, кажется, липа у их дома со скамейкой, возможно, война. Нет, множество войн, в которых Рост участвовал и получал ранения, но все-таки оставался живым. Это было очень важно – остаться живым, вот как сейчас, примерно. Хотя ощущения, которые Ростик испытывал, иногда свидетельствовали об обратном.

Потом он снова работал и даже с кем-то разговаривал, ответил кому-то на приказ, отданный очень грубым голосом. Точнее, не ответил, а только попытался, но тут же получил удар по ребрам, кажется, плеткой. Это было плохо, но Ростик почти не почувствовал боли. Он отчетливо удивился, что не чувствует боли, даже подумал, что может поджечь собственную руку, посмотреть, как она пылает, и не ощущать ничего.

Теперь он пробовал разговаривать про себя, осторожно, чтобы никто не слышал. И это ему удалось. Более того, он убедился, что теперь, когда Рост возвращал себе нормальную, русскую речь, перегородка, которую кто-то выставил в его сознании, становилась тоньше. Это было приятно. Хотя при этом возвращалась боль.

А потом произошел удивительный случай. Ростик услышал, как разговаривают другие существа, но о чем шла речь, почти не понял. Вернее, слова-то были ему знакомы, да вот только он не мог их осознать. Понимать других людей, а может, и не людей вовсе, было

куда сложнее, чем понимать то, что ему приходилось делать. Наконец Рост сообразил, что говорили не по-русски, а на другом языке, впрочем, тоже ему известном.

Спустя много недель, а может быть, и месяцев, когда Ростик сделал перегородку между происходящим вокруг и способностью все понимать довольно тонкой, возникла боль от неспособности быть нормальным, быть здоровым и сообразительным. Теперь ощущения, которые возникали от ломаемой перегородки в сознании, стали менее заметны, потому что с другой стороны воспринимаемого мира тоже существовали мука и боль, существовали чувства и явления. На самом-то деле, только теперь Росту стало по-настоящему тяжело. Но зато, как он сообразил, хотя и не сразу, у него просто не осталось выхода – он должен был или убрать этот брендмауэр из своего сознания, или умереть от этой боли.

Странно, это же было так просто – лечь, не двигаться, и уже через пару недель он перестал бы жить в этом мире, если бы его не убили раньше те, кто говорил грубыми голосами, кого можно было видеть, слышать, даже чувствовать их запах... Но кого так трудно было представить себе потому, что представления о мире остались по другую сторону пресловутой перегородки.

Должно быть, как ни тяжело это было, Ростик все-таки сообразил, что раз эта стена становилась все слабее, можно было и не умирать, а пытаться ее преодолеть. Так и пошло. Он преодолевал эту стену, и уже через пару... месяцев она стала еще тоньше, уже как занавес... Интересно, откуда он знает, что существует занавес? Должно быть, как и все остальное – из прежней жизни.

Теперь он работал почти с пониманием происходящего. Дело оказалось, в общем-то, не самым сложным. Но удивительным.

Оказывается, он жил в огромном помещении, разделенном на множество частей. Каждая из этих частей представляла собой ряд поставленных друг на друга полок, как в этажерке. Только вместо книг на каждой из полок находились лотки, по которым текла... иногда очень холодная, иногда чуть более теплая вода. И была она соленой, от нее разбухали суставы, иногда даже не очень глубокие раны начинали гноиться, и тогда существа, у которых это случалось и которые работали рядом, очень быстро слабели. Слабых отправляли куда-то из этого зала, и чаще всего они больше не возвращались. Но иногда все-таки появлялись снова, почти здоровые, без ран, только бледные.

Вода текла по лоткам, в которые последовательно были уложены листы какой-то довольно пахучей, плотной, спрессованной до каменноподобного состояния массы, похожей на пластик. Толщиной эти листы были сантиметров по пять-семь, иногда до десяти. Тогда поднимать их было очень тяжело, потому что листы эти были примерно четыре метра на три с половиной. Уложенные в лотки листы этой массы быстро набухали от воды, и тогда в них следовало вставлять какие-то ростки, слабые и очень хрупкие. Так как над каждым из лотков находились мощные лампы, светившие круглые сутки, ростки эти быстро поднимались, и уже через пару недель можно было с каждой из полок этих этажерок снимать урожай.

Тут уж как выходило. Иногда сажали какие-то зеленые стебли, тогда эту траву можно было выдирать и складывать в аккуратные ящики. Иногда получались растения с колосками, тогда возни было больше. Нужно было вычистить колосья и сложить только зерна. Впрочем, стебли тоже шли на какое-то дело, только Ростик не знал, на какое именно. Но догадывался, что ими кормили каких-то животных, которых потом забивали на мясо.

Если случалось взять листы спрессованной массы неосторожно, они могли разломиться. От этого происходили две вещи. Первая: надсмотрщики начинали бить виновных плеткой, иногда довольно сердито. А во-вторых, разломанный лист гораздо труднее было поместить в лоток с протекающей водой, и разбухал такой лист неправильно, по разлому, иногда потом ломался еще в нескольких местах, а растения в таком лотке росли медленнее.

Когда с листа снимали десять-двенадцать урожаев, он здорово истончался и становился неплодоносным, как ни старайся. Такой лист нужно было снимать, уже не заботясь о том, чтобы он непременно остался целым, разрешалось снимать и кусками. Их грузили в тележку и отвозили на ферму, где из них пытались сделать новые листы, но чаще сваливали в корытца. Там их обломки пожирали мясистые, розовые черви. Этих червей можно было использовать для разведения рыбы, еще можно было сушить, молоть до состояния муки и кормить каких-то других животных, которые тоже шли на мясо.

Возни с заменой листов плодородного материала, с посадкой растений, уборкой урожая и перевозкой всего, что требовалось для этого производства, было очень много. Случались дни, когда Рост и несколько похожих на людей других рабочих, обслуживающих их участок, вернее, отделение большого зала, падали замертво после многочасовой, изнурительной работы. Но иногда работы было меньше, чем обычно, тогда им удавалось даже сходить в душ, который устраивали надсмотрщики из толстой трубы, подающей воду в лотки. Вода была соленой и плохо смывала пот и грязь, но Ростик очень любил мыться. Тем более что тогда можно было сполоснуть и набедренную повязку с хламидой, в которых все рабочие тут ходили. А ходить в чистом было очень приятно.

Какое-то время спустя Ростик осознал, что умеет считать. В каждой «этажерке» оказалось по семь лотков, таких этажерок было более десяти, выставленных в поперечный ряд, а продольных рядов было еще больше. Ростик еще не очень хорошо считал, поэтому точное количество ускользало от него, но по сравнению с тем, каким он обнаружил себя в этом мире, и такое понимание было незаурядным достижением.

Вообще-то, когда он теперь осматривался или даже занимался подсчетами, он чувствовал, что делает что-то неправильное. Он не должен был соображать, что делает и что происходит вокруг. Он должен был оставаться несмышленым, отупевшим и отчужденным от мира. Но теперь он понимал, что так решил кто-то другой, кто-то, поставивший в его сознании эту стену, которую он пытался разрушить. Сам-то Рост хотел другого – вернуться в этот мир нормальным, таким, каким был когда-то... А еще лучше было бы вернуться домой. Но это было уже невозможно, несбыточно! Об этом лучше всего было не думать вовсе, потому что мысли рождали желания. А это оказалось почти так же больно, как возвращать себе ощущения и мышление.

Потом как-то раз вышло, что Ростика послали отвезти в тележке какое-то мясо, только белое и прозрачное. Он очень устал, не спал почти сутки. Хотя в этом зале не было ни дня ни ночи, он уже научился определять время по сменам надсмотрщиков. Конечно, они бывали разные, но их было не очень много, а Ростик уже так давно тут работал, что запомнил почти каждого. Кроме того, каждая новая смена надсмотрщиков, меняясь дважды в сутки, принималась за дело весьма рьяно – хлестала плетками всех, кто подворачивался под руку, даже тех, кто работал хорошо.

Вот и можно было высчитать, что прошли уже сутки, а Ростик даже глаз не сомкнул, и теперь, похоже, приходилось начинать работать снова, и опять на целый день. А его еще послали везти эту тележку с рыбой... Да, он вспомнил, что это прозрачное белое мясо называется рыбой!

Так вот, Ростик вез рыбу еще с парой таких же рабов, как и он, только малознакомых, в хламидах еще более вонючих, чем одежда на Ростике, и понимал, что он оказывается в помещении, где никогда раньше не бывал. По каким-то пандусам, надрываясь, они приволокли свою рыбу в совсем уж чудное место.

Это был длинный, узкий зал, весь забранный какими-то стальными фермами, силовыми креплениями на очень мощных заклепках, и у самой площадки, где они оказались, плескалась вода. И когда они стали сбрасывать в грязноватую, все время подрагивающую воду эту рыбу, из этой непроницаемой, маслянистой воды вдруг выпрыгнул... огромный,

раза в три больше, чем сам Ростик, викрам! Он схватил своими мощными, чудовищно длинными руками одного из рабов, который стоял рядом с Ростиком, и уволок вниз. Но еще прежде, чем викрам плюхнулся в воду, подняв каскад брызг, все же прозрачных, хотя вся вода казалась черной, он впился в шею раба своими зубами, длина которых была... сантиметра три, а то и больше. Прямо как у акулы, решил Ростик, хотя плохо представлял, откуда он знает про акул.

Раб, конечно, закричал, но ему никто не помог, только один из надсмотрщиков, которые стояли где-то сверху, на безопасном балкончике, стал требовать с другого надсмотрщика какую-то вещь. Оказалось, они побились об заклад, и тот, который смеялся, выиграл.

Рост поднял голову, но в этом помещении было почти темно, или он привык к постоянному, изнуряющему свету, вот и не мог теперь видеть в тех сумерках, которые стояли в этом помещении, отдал ли второй надсмотрщик первому то, что проиграл... Зато в этот момент произошла удивительная вещь. Ростик вдруг понял, что занавеси, закрывающие его сознание, разом распахнулись, и все усилия тех, кто хотел, чтобы он оставался почти животным, обратились в ничто. Он снова был почти прежний, хотя, разумеется, ему еще многому предстояло научиться, но теперь это было не больно.

Рост даже подумал, что инстинкт самосохранения, мобилизованный такой неожиданной угрозой, как викрамы, атакующие рабов, которые должны были их прикармливать, явился слишком мощным стимулятором. Ростик сразу ощутил и запахи этого... трюма. И шумы где-то неподалеку работающего очень сильного механизма, и вибрацию движущегося корабля, в котором находился. И понял, что теперь сумеет вспомнить все, что с ним произошло, без помех.

Его положение было настолько скверным, настолько беспросветным, что он едва не спрятал голову в ладони, чтобы хоть миг не видеть этих потеков грязи и ржавчины. Не видеть этой воды, в которой очень плотно, чуть не спина к спине, ходили викрамы, не видеть застывшего навечно идиотизма на лице другого раба, который остался жив, но который так мало соображал, что высунулся за край их площадочки, пытаясь разобраться, что же происходит в воде, теперь испачканной кровью.

Рост выпрямился и, кажется, впервые после того, как попал в плен, вдохнул воздух в легкие. До этого он, разумеется, дышал, но даже не чувствовал, что дышит. Очевидно, те, кто взял его в плен, очень здорово обработали его, причем на уровне глубоких разделов мозга, иначе его состояние невозможно было объяснить. Но они просчитались – он вернулся, снова был самим собой и был почти нормален, если не считать дикой усталости, шрамов и кровоподтеков на ребрах, разъеденных каким-то грибком ног и рук.

Он чуть не рассмеялся, но понял, что разучился смеяться, и это было понятно – тут не смеялись даже надсмотрщики, если не мучили кого-нибудь для удовольствия. Он поднял руку, показавшуюся ему немного чужой, и отбросил волосы с лица. Волосы свалились сплошным колтуном, и в них определенно поселились какие-то... блохи. Все-таки Ростик расчесался, как мог, пятерней.

И это прикосновение, как дождь в пустыне, сразу привело его к еще большему пониманию себя. Оно добавило ему ощущения голода и жажды, которые, как Ростик теперь чувствовал, были почти постоянными, едва ли не привычными.

Все-таки, насколько это было возможно, он привел себя в порядок. И убедился, что способен теперь вспомнить путь назад. Оставив пустую тележку на второго раба, который и был тут постоянным, он пошел к себе. Он двигался по коридорам, удивляясь их грубому убожеству, уродству, грязи и густому от плохой вентиляции воздуху. Он и узнавал их, и не мог представить себе, что не был способен найти тут дорогу еще четверть часа назад, хотя, как подсказывала память, ходил этим путем десятки раз.

Он шел к ярко освещенным гидропонным фермам, где у него был свой закуток, где его должны были покормить. Пару раз он наткнулся на удивленные взгляды надсмотрщиков, которые попадались по пути. Рабы не проявляли никакого интереса к его персоне, они даже не поворачивали голову. А вот надсмотрщики... Что-то я делаю неправильно, решил Рост, но останавливаться было поздно.

Он пришел в свой трюм, где находилась гидропоника, и для того, чтобы его случайно не посчитали беглецом, сразу подошел к небольшой выгородке из стекла или из какого-то прозрачного материала, где от света и вони большого зала обычно прятались те, кто присматривал за рабами. Он даже вошел в это помещение и заметил пять, нет, семь спин огромных, мощных пурпурных. Собравшихся явно что-то взволновало. Они стояли перед столом, за которым сидел обычный, ростом с человека, губиск, оравший в устройство для внутренних переговоров:

– А я считаю, раз вы его потеряли, вы и ищите! – говорил он на едином, и теперь Ростик, ко всему прочему, еще и понимал слова. Они даже оказались простыми для понимания. – Что значит, мы должны сами заботиться о наших рабах?! Мы вам оказали...

Вдруг кто-то из этих губисков обернулся и заметил Ростика, стоящего в дверях. А потом все эти громилы разом расступились, и Ростика увидел тот, кто говорил по телефону. Он умолк, стал сверлить Ростика взглядом, пытаясь понять, что же произошло.

– Ладно, – буркнул начальственный губиск в свое устройство. И добавил: – Он сам каким-то образом пришел. – Повесил раструб, действительно похожий на старинный телефон, и посмотрел на Роста с ненавистью. – Устроил ты шум, скотина. Выпороть бы тебя, да так, чтоб кишки вылезли...

– Как же он назад-то пришел? – с какой-то простецкой интонацией, чем-то похожей на ту, с какой говорят необразованные люди, спросил один из надсмотрщиков.

Тогда тот, кто тут всем распоряжался, тяжело, с угрозой поднялся на ноги, подошел к Ростiku, занес руку, чтобы ударить, и вдруг застыл. Рука его внезапно опустилась. Плохо, решил Рост, я не испугался, не дрогнул, а должен был сжаться, закрыть руками голову, так обычно поступают все, кого обработали, как и меня прежде... Нет, обработали-то как раз здорово, просто он оказался немного другой, нежели остальные. И сумел вынырнуть из этого искусственного безумия.

– Странный он, – сказал все тот же простецкий губиск.

– И глаза у него... – начальник занервничал. – Слишком ясные. Может, он возвращается в ум?

– Они не возвращаются, – сказал густым голосом самый грозный на вид громила. – Это невозможно.

– Я-то знаю, что невозможно, – сказал начальник. Отвернулся, так и не ударив. Пошел и снова сел за стол. – Когда его в рыбцех посылали, он был обычный?

– Обычней не бывает, – сказал кто-то. – Я к нему приглядываюсь, он выносливый очень, прямо как машина.

– Сколько он уже работает?

– Вторую смену без перерыва, – услужливо ответил простецкий, – без отдыха. Если бы он что-то соображал, то не выдержал бы, определенно.

– Ладно, – буркнул начальник, должно быть, свою любимую присказку. – Отошлите его в камеру, пусть отоспится. И покормите. Я потом решу, что это было.

Рост едва не сделал новую ошибку, чуть не повернулся и не отправился в «камеру» самостоятельно. Но решил не рисковать, как стоял столбом, так и остался стоять. Похоже, это надсмотрщиков немного успокоило. Простецкий ткнул его концом плетки в грудь.

– Пошевеливайся, смысленый, жрать пора. – И пошел впереди, чтобы Рост следовал за ним.

Да, чтобы не только вернуться, но и уцелеть в том положении, в каком оказался Ростик, ему следовало все как следует взвесить. И принимать решения, не ошибившись. Он знал, что займется этим с удовольствием, теперь у него была такая возможность – оценивать и планировать. Он действительно вернулся.

Глава 2

Проблема, которая встала перед Ростиком, заключалась в том, что он мог теперь, «вернувшись» – как, оказывается, это называлось и на языке надсмотрщиков, – или маскироваться, делая вид, что ничего особенного с ним не происходит, или все-таки дать понять, что он уже не тот, что прежде, что отличается от остальных рабов.

Главная трудность была в том, что он не знал, как поступают с «вернувшимися». Если им предоставляли какую-нибудь возможность на встраивание в систему, на адаптацию к новой реальности, тогда демонстрировать отличия следовало незамедлительно. Тем более Рост почему-то думал, что это у него вполне получится. Потому что, оказалось, все те месяцы или годы, которые он провел в вонючем трюме плавающего острова Валламахиси, он все-таки мог теперь припомнить. Иногда со стыдом для себя, иногда с мукой и мгновенно вспыхивающей ненавистью к тем, кто привел его в такое состояние.

Если же от него сразу постараются избавиться, скормить тем же викрамам либо неизвестным пока животным, которых разводили для натурального мяса и которые жрали все, даже червей, тогда, разумеется, следовало как-нибудь затаиться. Хотя едва ли не с самого начала Рост понимал, что сделать это будет непросто. И надсмотрщики не были дуrolомами, а знали кое-что о том, что происходит с их подопечными, и сам он не мог бы оставаться в том виде, в каком обнаружил себя после «возвращения» – невымытый, завшивевший, в парше, израненный до такого состояния, что в Боловске его непременно отправили бы в больницу.

Как ему сейчас не хватало его дара предвиденья, а еще лучше было бы вернуться к тому состоянию, которое его как-то посетило, когда ему показалось – или все же не показалось, а случилось на деле? – что он может «лепить» будущее.

Но сколько Рост ни размышлял, уже через несколько дней стало ясно, что совсем уж затаиться и не показывать изменения, произошедшего в нем, он не сумеет. Дело было в том, что безропотные, тупые и совершенно неконтактные существа, приведенные в состояние безвольных скотов, действительно могли работать сутками, не жалуясь, практически не уставая. А он, когда к нему вернулось сознание, больше так работать не мог. Оказалось, что очень много энергии тратилось прежде всего на то, чтобы его мозги работали сколько-нибудь полноценно. Раньше он никогда не думал о людях в таком ракурсе. Теперь ему предстояло испытать это на собственной шкуре.

Правда, уже тогда, когда он вернулся с той, памятной кормежки викрамов, он лучше всего запомнил уверенность, даже убежденность надсмотрщиков, что вернуться в нормальное состояние невозможно. Это была первая и пока, к сожалению, самая существенная информация, о которой стоило бы поразмыслить. Но с другой стороны, существовал сам термин «возвращение», а это кое-что да значило.

Вернее, это могло значить очень много, куда больше, чем подозревали надсмотрщики. И то, что такие ситуации все-таки иногда возникали, и то, что у них, возможно, есть какой-нибудь штатный вариант ответных действий, и что это явление возникало настолько редко, что реакция на него могла быть нежелательно резкой, затрагивающей даже те этажи местной иерархии, о которых Рост не подозревал.

В общем, сначала он пытался просто работать, как прежде, и думать, стараясь вернуть себе дар предвиденья, в надежде устроить хоть единственный сеанс. Лучшее всего это было бы сделать ночью, вернее, в часы, отведенные для сна. От этого он не высыпался, что было заметно, он даже зевать начал... И это оказалось ошибкой, потому что «настоящие» рабы никогда, оказывается, не зевали.

Так и получилось, что к исходу ближайшей недели, если Рост правильно ориентировался во времени, его вызвал к себе все тот же начальственный надсмотрщик, с которым

Ростик успел уже, так сказать, познакомиться. Он долго ходил вокруг Роста, пару раз ударил его, впрочем, не сильно, скорее проверяя реакцию, чем наказывая. Рост, не удержавшись, вздрогнул. Надсмотрщик похмыкал, но больше никак не выразил своего удивления, должно быть, даже рабы так или иначе вздрагивали от ударов.

Потом начальник вызвал к себе одного из тех, кто работал с рабами непосредственно. Им и на этот раз оказался тот, кого Ростик про себя решил называть «простоватым».

– Как он работает? – спросил начальник.

– Худо, с того раза, – простоватый и сам ежилась во время этого разговора, стоять перед начальником не в толпе себе подобных, а в одиночестве он не привык. – Зевает, устает больше и быстрее других... Может, он покатился под «уклон»?

И Рост, хотя никто не спешил ему что-либо объяснить, разом понял, что «уклоном» на местном жаргоне называлось состояние раба, когда он вдруг терял активность, переставал быть действенным даже на самых простых работах, а спустя какое-то время ложился и никакие побои не могли заставить его подняться. Чаще всего через некоторое время такой раб умирал. Молчаливо, без единого протеста или вообще без малейшей реакции на что бы то ни было вокруг.

– Вряд ли, – быстро отозвался начальник. – Смотри, какие у него глаза светлые. – Он походил еще немного вокруг Ростика, почесал концом плетки подбородок. – Знать бы, что с ним теперь делать?

– А ничего не делать, я попробую его понукать, если не поможет, тогда... Другое дело.

На том и порешили. Поэтому несколько дней Рост старался изо всех сил не отличаться от других рабов. Это ему не очень-то удавалось. Уже после трети обычной рабской смены он готов был свалиться и лежать, притворившись «покатившимся под уклон» или как там оно правильно называлось на едином.

Но воля, которой он не слишком мог похвастаться прежде, вдруг стала поддерживать его. И он как-то дотягивал до конца смены, тем более что, осматриваясь осмысленно по сторонам, научился немного халтурить и даже сачковать. Впрочем, это было несложно: надсмотрщики, привыкшие к тому, что рабы очень послушны, не отличались внимательностью.

Так Рост научился не попадаться на глаза надсмотрщикам, когда нужно было послать кого-нибудь для работы в соседние цеха, или когда перебрасывали рабов с одного участка на другой внутри гидропонного цеха, или подменяли ослабевших, больных или отсутствующих по другим причинам.

А потом его вторично вызвал к себе начальник. Он снова расхаживал вокруг Ростика и все так же испытующе смотрел на него. Но самое удивительное было в другом – он попробовал заговорить с Ростиком.

– Эй! – надсаживаясь, заорал начальник, словно он находился на необитаемом острове и пытался окликнуть проходящий мимо корабль. – Как тебя там! Послушай, отчего ты такой?... Дальше он не знал, у него вообще было трудно с полноценным формулированием чуть более сложных форм, чем ругань либо прямые приказы.

– Я тебя слышу, – негромко сказал Ростик.

Начальник онемел, потом стал созывать других надсмотрщиков. Длилось это довольно долго, Ростик даже успел еще раз сформулировать причину, почему решил показать, что он отличается от других рабов.

Он просто не мог больше выдерживать эту дикую, невыносимую нагрузку, не мог притворяться тем, за кого его принимали остальные надсмотрщики, и решил не подчиняться их правилам.

Посмотреть на «вернувшегося» приходили даже надсмотрщики из других цехов, и среди них попадались образины, по сравнению с которыми самые опустившиеся рабы выглядели почти интеллигентно.

Разумеется, возникла продолжительная, хотя и крайне бестолковая дискуссия. В ее процессе пытались выяснить, что с ним делать. На всякий случай решили поместить его к тем, кто плохо поддался изменению. Или не поддался вовсе, хотя при самой операции не умер, а выжил, что тоже было необычайной редкостью.

Так Рост оказался в каких-то совсем темных, очень низких и холодных казармах, где за решетками по двое, редко когда больше, сидели самые невообразимые существа. Тут Рост увидел очень широких в плечах карликов с тремя глазами: одним во лбу и двумя на висках, каких-то прозрачных богомоллов, даже одного Махри Гошода, хотя тот определенно был сумасшедшим, потому что непрерывно бегал по камере и дико верещал, так что закладывало уши.

Не составляло труда догадаться, что это была тюрьма, самая незамысловатая и довольно большая. Отоспавшись, Рост стал осматриваться. Его самого, ввиду редкостного явления «возвращения» как такового, посадили в одиночку. Через несколько дней он сумел завести разговор с двумя другими почти вменяемыми, не замкнувшимися в беспросветной изоляции существами. Правда, как они выглядели и что собой представляли, он не разобрал. Но акцент у одного был явно вызван клювом вместо губ, а второй слишком растягивал слова, словно лепил их из пластилина.

Они обрадовались третьему «разговорчивому» соседу и нарасказывали кучу баек про место, где Рост оказался. Некоторые были несомненной неправдой, вроде той, что в этом трюме иногда возникала какая-то слабо светящаяся ипостась, которая умела выводить заключенных из камер. Причем все запоры оставались целенькими, а сам заключенный оказывался дома, там, где его захватили в плен, или купили на невольничьем рынке, или вывели из колбы для превращения в раба. Другие могли быть правдой, вроде рассказов, как, накурившись какой-то особенной травы, надсмотрщики врываются в тюрьму, бегали между камерами и расстреливали из пистолетов всех, кто попадался им на глаза.

Но что более важно, спустя еще дня три Рост вдруг выяснил, что в угловой камере их отделения находился не кто иной, как... Шипирик, бегимлеси, пернатый его соглядатай, как он когда-то думал, а на самом деле друг и сослуживец.

Посредством переговоров, передаваемых другими заключенными, с Шипириком удалось обменяться кое-какой информацией. Пернатый, как оказалось, не поддался «изменению», которое устраивали пурпурные пленникам, взятым во время памятного боя у Россы. Выяснилось, что так теперь называли тот континент, на котором волей случая оказался Боловск. И что напрямую ассоциировалось с Россией, с русскими, наиболее привычным и явственным самоназванием людей как расы в мире Полдневья.

Вместо того чтобы умереть в результате попытки изменить его, Шипирик только потерял часть своих перьев, что составляло его главное огорчение, и сильно ослабел. Теперь он едва мог подниматься со своего тюфяка и даже говорил таким голосом, что не мог принимать участия в переговорах между камерами.

Рост же рассказал ему, что приключилось с ним, описал, как он «вернулся», и попросил Шипирика припомнить, сколько времени они находятся на Валламахиси. Шипирик не очень хорошо ориентировался во времени, но ему казалось, что они провели тут уже два года или даже больше.

А потом за Ростиком пришли. И вместо того чтобы сбросить в маслянистую воду, набитую хищными викрамами, отвели на участок, где... в больших, почти чистых чанах выращивалась какая-то грибковая культура, которую все называли молдвун. И приказали ему приниматься за дело наравне с другими рабочими, из которых «измененных» рабов было уже не очень много, не больше трети. А время от времени попадались даже пурпурные гиганты, нанятые сюда за плату, то есть свободные.

Это оказалось восхитительно. Потому что тут можно было хоть каждый день мыться свежей, холодной и чистой забортной водой, тут выдавали темно-зеленые комбинезоны, не идущие ни в какое сравнение с хламидами, в которые обряжали рабов на гидропонике, и тут почти не дрались надсмотрщики, да и самих надсмотрщиков оказалось немного.

Но прошло не менее месяца, прежде чем Ростик понял, почему на него вдруг свалилась такая благодать. И тогда он стал думать о том, что с ним произошло, немного по-другому.

Как-то в каптерку, где Ростик у выделили небольшую лежанку на трехъярусных нарах, где спали те, чей социальный статус не слишком отличался от положения рабов и куда обычно подавали пищу во время кормежки, ввалилась группа из трех пурпурных солдат, в форме, сжимающих свои ружья так крепко, что у них вполне по-человечьи побелели костяшки пальцев. Ими предводительствовал низкорослый губиск, тоже в форме и боевом шлеме, который он не снимал перед окружившей его «рабочей скотинкой», пусть даже и пурпурной.

За ними семенило целых пять местных рабочих, все из свободных, исполняющих обязанности то ли бригадиров, то ли ответственных за чаны, в которых выращивалась грибковая культура. Все были на взводе, и причиной тревоги являлся Ростик собственной персоной.

Увидев его, наслаждающегося горячим молдвуном, который определенно напоминал жаренные с картошкой грибы, лишь слегка приправленные какой-нибудь горчицей травкой, низкорослый губиск вытянул свой стек, зажатый в непомерно большом кулаке, и требовательно спросил:

– Он?

Рост, разумеется, уже давно вскочил, вытянулся и делал бездумно-равнодушное лицо, что у него теперь происходило автоматически.

Вопрос был задан на едином, и не понять его было невозможно. Зато потом бурный обмен мнениями пошел на языке губисков, который Ростик тут же решил про себя непременно выучить, потому что не было в его положении ничего более глупого и даже опасного, чем не знать язык тех, кто решал его судьбу, решал даже, жить ли ему на свете или нет. Но неожиданно вся гурьба пурпурных снова перешла на единый.

– У него самые значительные показатели по производству, – высказалась какая-то пурпурная дама, которая в этом цеху отвечала за многое, в частности, за своевременный подвоз пищи. – Он один с чана снимает больше, чем двое-трое других рабочих с пяти других чанов.

– Ага, значит, он работает на одном чане, тогда как трое наших обслуживают пять? – ядовито поинтересовался низкорослый.

– Нет, – отозвался кто-то другой из бригадиров, – ты не понял, офицер... – Дальше он что-то добавил на языке губисков. – Он один работает на трех чанах и дает продукции больше, чем душ десять наших.

– Вот как? – офицер похлопал стеком по сапогу. – Выходит, он полезен городу? – Он еще подумал, признался: – Вот и на гидропонике говорили, что на тех лотках, которые обрабатывал этот тип, урожай созревал быстрее... Хотя они там тупые все, количественного определения этим прибавкам не сделали, но все равно разницу в производительности заметили.

Вот как, мельком подумал Ростик, оказывается, я для них ценный производственник... Хотя как это у него получалось, он не знал, даже не догадывался. А потом ему в голову пришла другая мысль – как бы он ни маскировался, он бы все равно не сумел долго оставаться незаметным, как остальные рабы. Получалось, он сделал правильно, признавшись, что «вернулся».

– Он агрессивен? – спросил офицер. – Выражал нежелание работать или обвинял кого-нибудь в том, что его обратили в раба?

– Ни разу, – резковато, чуть быстрее, чем требовалось, высказалась все та же пурпурная тетка, что и прежде расхваливала Роста. – То есть я хотела сказать, он наоборот – самый спокойный из этих... странных. Ну тех, кто не из наших.

– Да? – офицер осмотрел его еще раз. И Рост вдруг отчетливо понял, что он раздумывает, не приказать ли этому слишком необычному военнопленному уроду раздеться. Все-таки не приказал, обошелся комментарием: – Мне говорили, раньше он загорал на свету гидропонных ламп, стал почти неотличим от наших... – Снова незнакомое слово на языке пурпурных. – Теперь, как вижу, побелел, по крайней мере, разница видна сразу, даже если не приглядываться. – На его поведении, – быстро вставил кто-то сбоку, – это никак не отразилось.

– Посмотрим, – вдруг пришел к какому-то выводу офицер и неожиданно изо всей силы хлестнул Ростика по лицу.

Рост вздрогнул, но сумел удержаться и стал еще прямее, даже руку не поднес к горевшей щеке. А офицер внимательно следил за ним, очень внимательно.

Наконец он удовлетворенно кивнул и повернулся к двери, делая знак солдатам, чтобы они следовали за ним.

– С ним еще не решено, – заговорил офицер на ходу, – возможно, его скоро вызовут для более детального осмотра, чтобы понять...

Они ушли. Ростик остался в каптерке в одиночестве. Снова сел, стал жевать свою еду. От жесточайшего приступа ненависти к пурпурным он едва мог разжимать зубы. Но он все-таки жевал. И чтобы его поведение выглядело более натурально – для губисков, конечно, но совсем не по человеческим меркам, – стал вспоминать, какой бурдой его кормили на гидропонике.

Как ни странно, вкус того варева из растущих в лотках разнообразных стебельков и зерен появился у него во рту, словно Ростик пробовал его несколько мгновений назад. По сравнению с тем, как он кормился теперь, тогда ему доставалась форменная отравка. Но хуже всего, разумеется, было в тюрьме. Там вообще невозможно было есть ничего, кроме кусков сухой и пористой, похожей на сухари очень грубого помола, комковатой массы. Только из этих каменноподобных кусков следовало выбить о край стены жучков и личинок, чтобы не заразиться совсем уж неприятной болезнью. Впрочем, многие заключенные, которых Рост видел там, этого не делали, полагая, что с личинками даже вкуснее.

В общем, когда он совсем успокоился и даже сполоснул рассеченную кожу соленой и холодной водой, то решил, что теперь знает, что ему делать. Он станет на этом корабле кем-то, пусть не очень важным, но все-таки занимающим определенное положение. Главное, что следовало помнить, он должен это сделать для того, чтобы потом за все, что ему пришлось пережить, и за всех, погубленных этой системой, поквитаться... Пусть это будет не полноценная расплата, на чаше весов пурпурной цивилизации все равно окажется значительный перегруз грехов и преступлений, но за себя он посчитается непременно.

Это соображение помогло ему не выдать даже глазами ничего из того, о чем Рост думал, когда кто-то из губисков вошел в каптерку посмотреть, как он себя ведет. И даже помогло почти спокойно отправиться на свое рабочее место. Но он знал: у него наступает новая жизнь. И новая схватка с цивилизацией пурпурных.

Глава 3

Теперь-то он отчетливо понимал, как чувствовал мир до своего состояния рабства, и даже еще острее, на каком-то странном послезэффекте от преодоленного барьера.

Об этом следовало поразмыслить, но у Роста не хватало сил. Необходимость физически работать по пятнадцать, а то и более часов в сутки придавливала его, гасила способность сосредотачиваться. Необходимость вовремя снимать слои пастообразного вещества с бака с дрожжевой культурой доводила до изнеможения. И еще очень трудно было просыпаться чуть не каждые два часа, как бы он ни нуждался в отдыхе, как бы ни хотел хотя бы элементарно выспаться.

Лишь потом Рост понял, что дело обстоит еще хуже, гораздо сложнее. Ему стало казаться, что именно эти самые баки были причиной его переутомления. Собственно, все они представляли довольно простую конструкцию, сделанную из чистого, беспримесного металла моллюсков. Высокая и громоздкая, до семи метров, древнегреческая амфора с горловиной наверху, через которую выдавливался готовый молдвун, шириной не более трех метров, внизу немного меньше. Только вместо ручек к ней подходило пять разнообразных трубопроводов, один с водой, один с каким-то питанием для грибков, представлявшим собой тонкого помола порошок, который под давлением тек, словно жидкость, один с еще более важной, чем питание, добавкой, от количества которой зависел вкус продукта, один с подводом воздуха и еще какой-то, о назначении которого Ростик так и не догадался, может быть, даже и резервный.

В днище были встроены подогревательные элементы, а центральное место занимал довольно широкий герметичный люк, чтобы можно было влезать в бак в случае, если дрожжи перекипали, становились несъедобными, и бак необходимо было как следует вымыть. Такие аварии, кстати, случались довольно часто, и недели не проходило, чтобы из ста с чем-то баков, расположенных в их цеху, хотя бы один не «протух». Роста пока бог миловал от этой напасти. Иначе ему, как он отлично понимал, было бы не избежать возвращения в цех гидропоники, чего ему вовсе не хотелось.

Помимо недостатка сна его еще мучили боли в плечах, потому что ворочать тяжелым совком все из той же «природной» нержавеющей, больше похожим на лопату для уборки снега, да еще с созревшим молдвуном, было нелегко. Ведь иногда на лопате набиралось до пятнадцати килограммов сероватой, не слишком аппетитной массы, к запаху и вкусу которой тем не менее можно было привыкнуть. И все-таки эту операцию другие рабочие на баках делали посменно, а ему приходилось одному... Но на более дружелюбное отношение он и не рассчитывал. Уже то, что его перевели сюда с гидропоники, половине пурпурных казалось неслыханной поблажкой, почти привилегией.

Впрочем, косые взгляды или откровенно недобрые подначки Ростик выдерживал без труда. И мог бы вовсе разучиться реагировать на них, если бы не изматывающая не менее, чем физическая трудность его работы, необходимость все время оставаться настороже.

Вопрос пурпурного коротышки о том, не проявляет ли он агрессивности, послужил своего рода сигналом для Роста. Но, к сожалению, и знаком для большинства пурпурных рабочих цеха. Теперь они почти с интересом дразнили его, иногда не слишком злобно, но иногда почти нестерпимо, чтобы, возможно, спровоцировать ту самую вспышку агрессии, в которой его втайне подозревали. И по закону обратной связи раздражение, которое Ростик никогда не умел как следует подавлять еще и в Боловске, стало копиться. Иногда ему приходилось в прямом смысле стискивать зубы, чтобы не треснуть кого-нибудь лопатой, или не пальнуть в какую-нибудь пурпурную физиономию парочкой ответных ругательств, или

просто не попроситься назад на гидропонику, где от рабов, еще более задавленных, чем он, не приходилось ждать такого психологического террора.

Но он держался. Не понимая, зачем это нужно, к чему это в конце концов приведет, но держался. И оказался прав. Потому что спустя месяца три неожиданно все успокоилось и даже переменялось. Теперь посмотреть на него приходили рабочие из других цехов, разумеется, те, кто имел право свободно передвигаться мимо всевозможных постов. Приходили даже с других кораблей.

Отгадать причину такого интереса к своей персоне Рост сумел далеко не сразу. Но все-таки сумел, когда подслушал какой-то разговор, который при нем повели на едином пурпурные бригадиры и некая довольно крупная, очень красивая, как павлин, пернатенькая ящерица. Лицо у нее, надо признать, было выразительным, мимика богатой, взгляд умным, и при этом глаза отливали чуть не всеми цветами радуги, но не из-за фасеточного строения, а из-за необычного хрусталика.

– Так это и есть ваш разудалый производственник? – спросила ящерица.

И получила ответ, что, мол, не ошиблась. А Ростик сделал законный вывод, что ящерица не только обладает неким повышенным статусом среди здешних пурпурных, но и относится к женскому полу. В общем, на выслушанный ответ ящерица еще раз спросила:

– А как он увеличивает скорость созревания молдвуна?

И снова выслушала на редкость вежливый ответ, что никто этого не знает, даже само это существо... под названием «люди». После чего ящерка еще с полчаса присматривалась, как Ростик работает, а затем, грациозно повиливая хвостом, ушла куда-то, и многие из пурпурных смотрели ей вслед со смешанным чувством облегчения и зависти. Из этого тоже можно было сделать разные выводы, но Рост отказался от попыток понять, что же действительно произошло на его глазах, оставив это до более благоприятных времен. Теперь он почему-то не сомневался, что такие времена скоро наступят.

Должно быть, то же почувствовали и другие пурпурные «коллеги», потому что теперь его стали гонять совершенно немилосердно, даже те, кто раньше не проявлял к нему особой придирчивости. Например, его все чаще стали посылать со свежим молдвуном в ясли для новорожденных викрамов.

Вообще-то дрожжевыми грибами викрамов не кормили, эта пища ценилась гораздо выше, чем те растения, которые можно было производить гидропонным способом. Но для маленьких рыболодей приходилось делать исключение, потому что другого питания, производимого на фермах плавающего острова, они не усваивали. Хотя, конечно, могли, вероятно, употреблять и мясо, но оно было слишком дорого, дешевле было кормить их молдвуном.

Поэтому Росту приходилось теперь три, а то и четыре раза в сутки нагружать металлическое корытце, установленное на колеса, и переть всю конструкцию, вес которой иногда превышал полторы сотни килограммов, через две палубы вниз, чтобы попасть в детский питомник рыболодей. Охранники тут его уже знали и даже перестали придираться, что он, мол, не очень активно работает, когда сообразили, что ему приходится делать все одному, изо дня в день.

Довольно скоро его стали узнавать и рыболоды, вернее, те няньки из викрамов, которые были приставлены к малышне. Сначала, глядя на этих мощных, до четырех метров, теток с хвостами, Ростик очень опасался, что одна из них с голодухи либо по природной ненависти к тем, кто живет не в воде, подпрыгнет и утащит его своими мощными ручищами в темную неизвестную глубину, чтобы загрызть акульими зубами. Но потом сообразил, что эти няньки были выдрессированы куда лучше, чем другие викрамы, либо были как-то изменены, может быть, тем же способом, что и рабы, чтобы не вредить почти беззащитным викрамчикам. А значит, явных признаков агрессии не проявляли. Тогда у него случилась парочка знакомств с этими самыми викрамшами, хотя на их писк и треск, в которых

лишь с трудом можно было узнать слова на едином, он отвечал, должно быть, невпопад, и его единый был для них так же трудноразличим, как и их для него. Но он дошел уже до такого состояния, что ему приятно было разговаривать пусть даже и с такими чудными и чуждыми существами.

И таким вот странным образом он выяснил кое-что интересное. Во-первых, как викрамы поняли по вкусу и цвету воды за бортом кораблей, они идут к одному из самых больших континентов, который контролировали губиски. И второе, сам Валламахиси существенно перестраивался, потому что получил в войне с людьми слишком сильные повреждения. А с десятков одиночных кораблей экономичным и очень долгим способом отправили куда-то еще, чтобы попытаться хоть как-то отремонтировать или разобрать на металл.

Примерно такое же переформирование предстояло и всей командной верхушке Валламахиси, разумеется, тем, кто остался в живых. Теперь неведомые вожди цивилизации пурпурных рассматривали командиров этого плавающего острова как некомпетентных неудачников, проигравших войну гораздо менее развитым существам – людям. Но до этого Ростик уже и сам мог бы додуматься. Его способность делать выводы, пользуясь самой малой исходной информацией, постепенно к нему возвращалась.

И вот наступил день, когда его, чуть более активного, чем обычно, даже слегка успокоенного привычностью обстановки, посетили еще более высокие начальники. Как всегда, после кратковременного сна и кормежки Рост снимал выросший в верхней части чана урожай молдвуна, балансируя на узенькой площадке вокруг горловины, и вдруг снизу раздался повелительный оклик на изумительном, почти человеческом по произношению едином:

– Раб, спустись, чтобы я посмотрел на тебя вблизи.

Ростик чуть не выронил свой совок – что было бы печально, потому что он непременно утонул бы в грибковой массе, и чан, скорее всего, закис бы, – но удержал лопатку и обернулся. Снизу на него смотрели сразу пятеро. Двоих Ростик знал – это было цеховое начальство: один из пурпурных недомерков, глава над всеми бригадами, и одна пурпурная старуха, исполняющая роль главного технолога цеха. Третьей была как раз та самая пернатая ящерка с радужными перьями и необычными глазами, которая уже разок приходила и даже задавала вопросы. Четвертым был пурпурный гигант с тяжелым ружьем в руках, закованный в мощные доспехи, похожий на двара в боевом облачении. А вот пятый... Ростик почувствовал, что если будет к нему слишком внимательно присматриваться, то может и с площадки свалиться – такая от этого существа исходила аура мощи, власти и жестокости.

Это было очень странное существо, смахивающее на каменную глыбу, поставленную на невысокие, но довольно устойчивые ноги, почти человечески по форме, только измененные в пропорциях, с двумя хлипкими ручками, какими трудно было даже пищу подносить к проему, обозначающему, вероятно, рот, находящийся в верхней трети торса, лишенного головы... Но не лишенного глаз, хотя Росту понадобилось все его воображение, чтобы понять, что эти два темно-зеленых пятна, словно наросты мха, забившегося в глубокие впадины, и есть, возможно, настоящие глаза.

Лишь оценив это существо зрительно, Рост понял, что приказ, который он воспринял как окрик, пришел к нему телепатически. В этом и была отгадка небывалой его четкости: это существо не говорило – оно внушало Росту мысли, а уж он сам по какой-то причине воспринимал их как произнесенные вслух.

– Господин? – он отозвался одним словом, произнесенным тем не менее вслух.

Быстро спустился и вытянулся перед непонятным существом, хотя впервые за все время, что помнил себя тут, испытал искушение по-человечьи поклониться.

– Ты и есть человек? – снова телепатически спросила каменноподобная глыба на ножках. Теперь она казалась очень высокой, почти в три метра, возвышаясь над самыми рослыми из пурпурных гигантов.

Рост почему-то обратил внимание, что если кожа по всему туловищу этого гиганта напоминала камень, то на ногах, которым, видимо, приходилось чаще и больше работать, например при ходьбе, она казалась почти обычной, пусть и грубоватой, но розовой, насыщенной сосудами и красной кровью.

– Я Рост, человек.

– Пошли, – приказала глыба на ножках, и они двинулись куда-то наверх, к солнцу, которого Ростик не видел, должно быть, последние два года.

Он шел, опустив голову, всем видом стараясь показать, что примирится с любым исходом, хотя отчетливо понимал, что ничего очень страшного ему не угрожает – не для того такие шишки появляются в вонючем дрожжевом цеху, чтобы отправить его к праотцам, для этого хватило бы одного солдата с недвусмысленным приказом.

Они действительно вышли на верхнюю палубу, и Рост на миг даже замер, вдохнув полной грудью свежий соленый воздух, подняв лицо к солнцу, чтобы побольше впитать его тепла и восхитительного света. Но тут же получил изрядный толчок в спину от солдата, шагающего сзади. Они снова пошли, теперь уже по палубам, которые показались Росту бесконечными из-за его слишком долгого пребывания в замкнутых, подпалубных залах.

Потом они поднялись на какие-то мостики на настоящем лифте, причем ящерка вполне дружелюбно, чтобы все поместились в не очень широкую кабину, поднялась на задние ноги. Шагая над угольно-черным, гибким навесом из непонятной ткани, снова возникшим после сражения с людьми над кораблями, к возвышающимся впереди, как небоскребы, главным надстройкам Валламахиси, Рост вдруг вспомнил, что этот навес был, собственно, раскинутой как можно более широко системой фотоэлементов, вырабатывающих электроэнергию с помощью солнечного света.

Ему показалось, что когда-то он уже раскрыл эту загадку, но потом забыл о ней, как забыл и о самом навесе, создающим теперь у него странное ощущение оторванности от всего плавающего острова. И еще попутно ему вдруг пришло в голову, что демонстрировать излишнюю проницательность по-прежнему опасно.

Они действительно пришли к главным надстройкам Валламахиси, но вошли не в самый высокий из «небоскребов», а в довольно невзрачную пристроечку в стороне, обшарпанную и с неровными зазубринами, оплывшими от жара после взрыва, который люди сумели устроить неподалеку от этого места. Тут они миновали три офицерских поста, которые тем не менее не посмели остановить каменноподобное существо, лишь вытягивались в местной позе подчинения и внимания, а потому довольно скоро оказались в огромной зале... Вернее, в кабинете, который был консольно вынесен вбок от этой надстройки, так что открывался вид на три стороны, словно из большого антиграва.

В центре этого зала в очень удобном на вид, обитом мягчайшей замшей кресле сидело... нет, все-таки скорее висело еще более странное существо, имеющее отдаленное сходство с глыбой на ножках, только у него уже не было ни ног, ни рук, а в проем, заменяющий этому существу рот, было вставлено что-то, похожее на небольшую насосную систему. Как и по бокам, к нему было подсоединено, словно к дрожжевому чану, два трубопровода, висящих на довольно широких присосках.

Едва они вошли, глыба на ножках согнулась в подобии поклона, хотя наклониться это существо было не способно по своему строению. И тут же оно начало транслировать какую-то мысленную передачу... Только Ростик ничего не понял, не потому даже, что речь велась на незнакомом языке, а потому, что была очень быстрой. Он сбился уже с третьего-четвертого слова и больше не пытался разобраться в докладе, который доставивший его сюда начальник делал еще более высокому начальнику.

Единственное, что Рост понял, что глыбу на ножках зовут несупеном, а того, кто висел в кресле, – чегетазуром. Но слова были слишком далеки от любых значений на едином, чтобы понять их происхождение.

А потом начался какой-то кошмар. Рост даже упал на одно колено, потому что не был способен удержаться на ногах, но и оказаться коленопреклоненным не хотел... Потому что существо в кресле обрушило на него мощный ментальный удар, который полностью раскрыл его, словно устрицу, выпотрошил сознание, внушил страх, даже ужас, и одновременно – омерзение.

Природу последнего своего ощущения Ростик не понял. Зато он понял, что обследование – а это было именно обследование его сознания, его психики и общих его возможностей – завершилось довольно быстро. Если бы оно оказалось долгим, его бы пришлось пристрелить, потому что он был бы ни на что не годен.

А потом с нечеловеческой ясностью, свойственной ментальной речи каменноподобных глыб, возникло едва ли не удивленное мнение:

– Почему его не уничтожили?

– Саваф-то-Валламахиси, чтобы изучать возможности тех, кто доставил нам такие хлопоты, – отозвалась приведшая Ростика глыба на ножках. Первое словосочетание очень походило на обращение, и Рост, все еще с замутненным болью сознанием, поднял голову, чтобы взглянуть на этого Савафа.

– Пинса, – кратко отозвался Саваф, – кто нашел это существо?

Пинса, или глыба на ножках, не ответила или ответила так, что Рост не успел этого понять, но главное внимание Савафа неожиданно обратилось к пернатой ящерице. А она, оказавшись в поле ментального изучения Савафа, прямо заискрилась от радости, потянулась, как кошка, которую гладят, и едва ли не замурлыкала.

– Лодик, ты... – дальше Рост снова не понял, лишь разобрал, что ящерку скорее похвалили, чем отчитали. Что-то в таком духе: – Ты хорошо служишь своей несупене.

– Он каким-то образом поднял производительность грибного чана, и это было непонятно, – ответил Лодик. Только теперь, вслушиваясь в слова, которые частично возникали в его сознании, частично звучали на самом деле, Ростик понял, что ошибся: ящерка как раз был аналогом мужчины. То есть этот Лодик был как-то связан с глыбой на ножках, которую Саваф назвал Пинсой, которая определенно относилась... Да, к женскому полу, если человеческое понимание пола вообще было применимо к этим каменноподобным существам – чегетазурам и несупенам.

– Саваф-то-Валламахиси, какие будут распоряжения в отношении раба?

– У него странное сознание... Наверное, его все-таки стоило бы уничтожить. Но раз это не было сделано сразу, теперь, пожалуй, отправьте его выискивать рыбные косяки. Наши рыбаки в последнее время доставляют городу немало разочарований вместо продукции.

Несупена Пинса снова попробовала было склониться, но ящероподобный Лодик крутанулся волчком и вышел из кабинета. Ростик сумел подняться на ноги и, не поворачиваясь спиной к чегетазуру, тоже вышел. Тут его уже ожидал все тот же солдат.

Когда спустя четверть минуты в приемной показалась несупена, она, не обращая внимания на Ростика, кратко приказала ящере:

– Найди кого-нибудь, кто объяснит рабу, что он должен делать.

– Будет исполнено, – отозвался Лодик, и его подвижная рожица едва ли не расплылась в улыбке.

Впрочем, Ростик сразу понял: Лодик так же, если не более сладко, улыбнулся бы, если бы этого человека приказали, например, четвертовать. А потому он просто вытянулся. Кланяться тут могли только очень высокие начальники, к которым человек, безусловно, не относился. Но, в общем, ему этого не очень-то и хотелось. После ментальной атаки, которую он

испытал в кабинете чегетазура, он был способен или лежать пластом, или вот так стоять истуканом. Хотя, разумеется, предпочтительнее был бы первый вариант.

Глава 4

Сейнер был крайне странно устроен, в этом Ростик мог убедиться, когда они отходили от Валламахиси, по-прежнему движущегося своим курсом. На сейнере было слишком много пушек, хотя и небольших калибров. На нем была слишком большая команда, как на какой-нибудь канонерке. Но при этом у него были огромные трюмы и мощные холодильники, а потому Ростик все-таки решил называть это судно сейнером.

Командовала им женщина из губисков среднего роста, с очень пышной копной белых волос, которые она определенно не любила прятать под форменным, похожим на шлем колпаком из грубой кожи. Капитаншу звали Синтра, и она очень недоверчиво смотрела на Ростика, хотя того это мало заботило.

Для него гораздо важнее было выстроить сколько-нибудь доверительные отношения с Карб, почти человеческого роста пурпурной девушкой, насколько можно было судить, относительно молодой, тоненькой, производящей впечатление хрупкости и незащищенности. Именно Карб ящероподобный Лодик и подчинил Ростика как командиру, конвоиру и главному советнику в том, как бы устроить новую службу человеку на плавающем острове пурпурных.

При всей внешней хрупкости Карб оказалась довольно энергичной. Получив задание опекать непонятное существо, так похожее на губиска, но с другим цветом волос, глаз и кожи, относящееся к явным врагам, она долго звонила куда-то, пробовала отказаться, из чего можно было сделать вывод, что распоряжения пернатых ящериц уже можно было как-то оспорить, но, нарвавшись на отказ, бойко принялась за дело.

Первым делом, она приказала Росту вымыться, а пока он плескался под душем, добыла ему темно-серый комбинезон, в которых ходила половина пурпурных из палубной команды. Комбинезон оказался почти впору, только в поясе иногда трещал ткань, похожей на легкую брезентуху. Когда Рост привел себя в порядок, она отвела его в полупустую казарму, где обитали только пурпурные гиганты, из не самых смывленных и довольно неряшливых, и заявила, что спать несколько последующих дней ему предстоит тут. Здесь же в специальном шкафчике он мог держать личные вещи, которых, к обоюдному облегчению, конечно, не оказалось.

Потом она показала, где Росту теперь предстояло обедать, и занялась выяснением времени выхода сейнера в море. Им пришлось ждать несколько дней, во время которых Рост был предоставлен себе, но пока не решался отходить от своей казармы – или кубрика? – слишком далеко. Все-таки он выяснил, что может ходить по «своему» кораблю почти всюду, где пускали среднего роста пурпурных. На другие корабли ход ему был запрещен, как и в машинное отделение, но он не слишком и рвался снова оказаться в вонючих подпалубных помещениях.

Чтобы быстрее сориентироваться, он отыскал подобие библиотеки и с помощью все той же Карб сумел получить для начала сборник старинных легенд пурпурных, скорее даже сказок, написанных на едином. Ему казалось, что, зная произношение основных слов и общий принцип письменности, он сумеет в них разобраться, но не тут-то было. Он пытался научиться читать книги пурпурных почти два дня, пока не догадался попросить что-нибудь еще проще, что-то вроде букваря для продвинутых великанов губисков, которые по уровню своего развития относились скорее к детям, чем к нормальным особям.

Дело пошло быстрее, он выучил половину из почти восьмидесяти основных букв алфавита пурпурных и около двух десятков из почти сотни неосновных знаков. Но зато выучил их очень хорошо, даже попробовал каллиграфически воспроизводить их, когда его в подопии читального зала нашла Карб и коротко приказала:

– Все, люд, безделье кончилось, пошли работать.

Они перебазировались на сейнер, который почти сразу отошел от Валламахиси по меньшей мере километров на восемьдесят. На ночь глядя они не вылетали на разведку, но еще за час до того, как включилось солнце, Карб подняла Ростика, который отлично выпался в тесной, но неплохо вентилируемой каюте, где находилось еще с десятков пурпурных великанов, храпевших почти как люди во сне. И они, наконец, приступили к делу, занимаясь которым ему приказал Саваф.

Это был обычный антиграв пурпурный, с пушечной башенкой наверху, с тремя загребными губисками из высоких, и одним пилотом, как очень быстро стало ясно, главным пилотом всех антигравов этого сейнера. Еще выяснилось, что на этом кораблике находится очень много летающих лодок, но Ростик, лишь чуть-чуть сосредоточившись, понял, что губиски не тащат трал за кораблем, а сбрасывают сети с воздуха, и потому главной рабочей силой тут были именно антигравы. Все узлы на тросах и сетях, которые при этом возникали в воде, разумеется, распутывали викрамы.

Вот последнее Ростика заинтересовало, поэтому впервые за все время плена он стал спрашивать, то есть подал голос самопроизвольно, а не отвечая на вопросы.

– Меня зовут Рост, – сказал он пилоту, поглядывая на него из правого пилотского кресла. – Мне хочется спросить тебя...

Пилот поежился, бросил на Роста неопределенный взгляд и вдруг вполне добродушно отозвался:

– Спрашивай.

– Почему нам приходится ловить эту рыбу, когда имеются викрамы?

– Очень просто, – отозвался пилот. – Когда они находят приличный косяк, они тут же пытаются поесть как следует, даже с запасом... А потом теряют активность. – После паузы добавил: – Кроме того, командиры считают неправильным, если рыболоды сообразят, что сумеют самостоятельно прокормиться в море. Какой тогда для них останется интерес в службе на Валламахиси?

Ответ был не только дельный, но и откровенный. Рост облегченно улыбнулся. И это, как ни странно, растопило лед. Пилот кивнул, словно подтверждал что-то, и произнес вот что:

– Меня зовут Джар, я главный по залову рыбы на кораблике, с которого мы взлетели.

Он так и сказал – «залову», словно это было что-то особенное. А может, и в самом деле. Ведь вылавливание рыбы для перенаселенного плавающего города, постоянно нуждающегося в продуктах питания, да еще в сообществе пурпурных, с их жесткой иерархией, должно было выражаться именно в таких вот формах самоидентификации.

– А про меня, наверное, тебе уже рассказали, откуда я и чем раньше занимался, – сказал Рост и посмотрел на пилота.

Джар, немного удивленный, не сводил с Роста внимательного взгляда. Он хотел понять, что творится в душе этого странного, обросшего волосами по всему лицу чужака, который, похоже, не понимал, что сдает самый главный для себя тест – окажется ли полезен для их города, достаточно ли гибок и умен, чтобы встроиться в существующую структуру?

А Рост со смешком, от которого отвык за время рабства на гидропонных и грибных фермах, понял, что Джар сейчас на его стороне, что пурпурному захотелось, чтобы Ростик этот тест сдал. И наилучшим образом. Из-за этого Рост вдруг обрел уверенность, что не просто сдаст, но благодаря такому к себе любопытству, едва ли не дружескому интересу, сумеет все сделать куда лучше, чем от него ожидалось.

И тогда на него стал потихоньку, незаметно, но все ощутимей, накатывать один из сильнейших, какие он только помнил, приступов предвиденья. Еще не всезнание, которое без тренировки и ментальной сосредоточенности было невозможно... Но уже предвиденье.

А пока он стал думать, сколько в том, что он так старался, так мучительно иногда пытался прорвать завесу неопределенностей, было от желания удивить своих боловских друзей, слегка выпендриться перед ними, заслужить какое-то особенное их участие, и сколько просто от природы. Сейчас, когда он даже забыл, каково это – видеть будущее, он мог думать о своих друзьях, оставшихся в Людомире, и о себе, прежнем, почти спокойно. Он снова улыбнулся и негромко оповестил Джара:

– Все будет хорошо, Джар, вот увидишь.

Они поднялись над сейнером, бороздившим довольно глубокие, зеленоватые волны океана, а потом Рост чуть не вскрикнул – так сильно на него подействовал привычный диск света под антигравом от отражающегося в воде солнца, стоящего над головой, в зените. И еще он почти сразу понял, что сейнер идет немного не в том направлении, что нужно. Он даже положил руки на рычаги управления.

– Не трогай, – напряженным голосом отозвался пилот.

Рост пожал плечами и поудобнее устроился в тесном кресле. Потом проговорил:

– Не знаю, где тут восток и запад... – Сообразив, что последние слова произнес не совсем правильно, почти по-человечески, коротко добавил: – Лучше направляйся вон туда.

Показал рукой. Джар нахмурился:

– Мы подходим к площадям, занятым плавающими водорослями. Значительных косяков тут не бывает.

– Тебе водоросли нужны или рыба?

Джар хмыкнул, как иногда хмыкал Антон, и изменил курс. Теперь они пошли над водой на довольно значительной высоте, метров триста. Для того чтобы лететь чуть быстрее, этот эшелон был в самый раз, но на нем Ростик плохо разбирал, что тут творилось с рыбой, поэтому он попросил снизиться метров до пятидесяти. Понятие «метра» у Джара не оказалось, но он послушно приспустился, пока Рост не попросил его выровнять лодку.

Они летели не очень долго, чуть больше получаса, отдалившись от сейнера километров на сорок, и в направлении почти параллельном курсу Валламахиси, когда Рост уверенно оповестил:

– Здесь.

– Что здесь? – не понял Джар.

– Здесь находится самый большой из ближайших косяков.

– Тут не может быть рыбы, – мотнул головой пурпурный. – И никогда не было, потому что...

– Он прямо под нами, – терпеливо, как ребенку, пояснил Ростик.

Джар насупился, потом что-то прокричал на языке своего племени, сбросил скорость и совсем опустился к воде. Сзади послышалась возня, какие-то негромкие команды, и в воду полетела небольшая кошелка на длинном тросике. Они пролетели всего-то километра полтора, как вдруг сзади послышался какой-то негодующий, даже возмущенный вопль. Джар дрогнул:

– Доставай!

– Не могу, – отозвались сзади, – она переполнилась.

– Так что же мне... до корабля ее волочь? – взорвался Джар. – Доставай, говорю.

– Я уж и горловину затягиваю, а она... не затягивается, переполнена же!

Джар плавно развернулся и пошел вбок. Потом опомнился, повернулся к Росту:

– Где кончается твой косяк?

– Вон там, – Рост опять махнул рукой, указывая направление, едва ли не противоположное тому, куда летел Джар. – Только до него километра три, он большой очень, я же предупредил.

Джар почти застонал, снова развернулся, потом осторожно, чтобы не лишиться кошелки, вывел машину с привязанным сзади хвостом, полным рыбы, из косяка. Снова спросил, уже осторожно:

– А теперь?

– Тут рыбы меньше, можно, наверное, и вытащить вашу снасть.

Пурпурные так и сделали. Затянули горловину, как-то подняли из глубины и поволокли по воде, вспенивая волны. Антиграв шел тяжело, словно волок за собой целый сейнер, не меньше.

– Ты как почувствовал рыбу-то? – спросил Джар с сильным акцентом, как говорил, должно быть, с приятелями, почти... простонародно, как подумалось Росту.

– Почувствовал.

– А раньше сказать не мог? – вдруг разозлился Джар. Это было так... по-человечески, что Ростик рассмеялся. – Ну, чего смеешься?

– Я не знал конструкцию вашей сетки, думал, вы забрасываете снасти с двух антигравов, может, даже с трех.

– И с двух, и даже с пяти. Просто мы тебе не верили, взяли ту штуковину, с которой на разведку летаем. Понимаешь? С пробной сетью, которую... наполнить даже до половины обычно не удастся. Она так сконструирована. – Джар помолчал, потом покачал головой, почти как Ким. – Хрень какая-то, никогда такого не видел, чтобы за милю прохода над косяком набить ее под завязку.

До сейнера они тащились почти два часа, потом возникли кое-какие трудности, чтобы завести фал от трала на приемное устройство сейнера, а когда все-таки сели на корабль, Джар пошел... жаловаться на Ростика, из-за которого, по его мнению, они чуть не потеряли пробную кошелку.

Рост воспринял это спокойно. Он сделал свое дело, а в том, что разведка оказалась так скверно организована, в общем-то, его вины не было. Довольно скоро на палубе показалась Карб, она хмурилась, все время постукивала стеклом по сапожку, но не дралась, должно быть потому, что еще не успела даже дожевать что-то, а значит, только что встала из-за стола. Потом к Росту, пристроившемуся под тенью от «их» гравилета, подошла Синтра с двумя какими-то пурпурными, в чинах настолько, что они даже выговаривали что-то капитанше.

– Ты чего устроил? – спросила Синтра, когда Рост вытянулся перед ней.

– Нашел косяк, как было приказано.

– Ты чуть снасть не порвал.

– Как не порвал, когда именно порвал! – возмутился один из подошедших с ней пурпурных.

Рост окинул его взглядом и понял, это был какой-то из местных трал-мастеров. И спец по поиску рыбы. То, что Рост его «обскакал», и то, как легко он это сделал, теперь ставило его в невыгодное положение. Что он и пытался компенсировать упреками.

– Ерунда, – отозвался Рост, – снасть можно починить... Хотя, должен заметить, меня не ознакомили с ее конструкцией.

– Ах ты!.. – трал-мастер замахнулся.

Но сзади раздался уверенный и жесткий голос Карб. Трал-мастер опустил руку, зло зыркнул на Росту и ушел.

– Ладно, – решила перейти к делу Синтра, – куда нужно держать курс, чтобы...?

Тут уж вперед вышел Джар, память у него оказалась отменной, даже в этих безбрежных, кажущихся абсолютно непроницаемыми для ориентировки пространствах он чувствовал направления совершенно свободно. Он быстро выложил угловые координаты относительно их курса, расстояния и даже, кажется, определил способ оптимальной доставки выловленной рыбы к сейнеру.

Синтра его выслушала, кивнула.

– Хорошо, так и сделаем. А ты, – она повернулась к Росту, – так и знай, наверх все равно пойдет докладная о твоём... твоей безответственности.

Рост послушно опустил голову. Он знал, что результаты этой пробы его возможностей все равно должны были, так сказать, запротоколировать. Пусть уж лучше там будет сказано, что он перевыполнил свое задание. Уж очень ему понравилось после двух с лишним лет рабства летать над морем.

Синтра повернулась, чтобы идти на мостик, отдавать распоряжения о смене курса и подготовке к лову. Но ее остановила Карб.

– Может, мы с этим... – она указала на Ростика, – полетаем в округе. Пусть еще пару косяков отыщет. Если он такой ловкий, можно будет и другие сейнеры сюда вызвать.

– Ты сама хочешь с ним теперь летать? – все еще хмурясь, спросила Синтра.

– Теперь-то я его и на шаг от себя не отпущу, – твердо решила Карб.

– Я не против.

Рост едва не разулыбался. Теперь эти ребята говорили в его присутствии только на едином. Это имело какое-то серьезное для него значение, хотя... Об этом рано было еще рассуждать.

– Куда же я вас посажу? – взъерепенился Джар.

– Я сяду рядом с тобой, – резковато ответила Карб, – а его посадим в башенку.

– Там пушки, туда не полагается сажать тех, в ком мы не уверены... Вдруг он пальнет? Карб внимательно посмотрела на Роста. И решила.

– Не пальнет. У него теперь другая роль, и он это понимает не хуже нашего. – Она еще раз подумала. – Впрочем, на всякий случай сними оттуда пушки.

Теперь Рост отлично понял, почему Джар так цыкнул на него, когда Рост потянулся к рычагам управления, боялся, что Рост может вывернуть из его рук машину и разбить ее о воду.

– А Мо-ичи?

И тогда, снова мобилизовавшись, почти незаметно для себя, Рост сообразил, что речь идет о летающих прозрачных китах. Для убедительности Джар пояснил:

– Я без башенных пушек от них не отоьюсь, сожрут они нас.

– Обещаю, что не стану палить без команды, – сказал Рост негромко. – И прозрачных китов тоже сумею отогнать, если их будет не слишком много.

Карб и Джар уставились на него, словно он никогда прежде с ними не разговаривал и они даже не подозревали, что он это умеет.

– Кто поверит обещаниям раба? – прокрипел Джар, но как-то неубедительно.

– Обещаешь? – переспросила Карб. Повернулась к Джару. – Ну, если он нарушит свое слово, тогда его можно будет убить. А очень большого вреда он все равно не нанесет.

Джар заворчал, уже внутренне признавая, что деваться некуда, придется довериться этому чудному чужаку. Потом оповестил:

– Тогда – что? Сменим загребных и полетели? – снова в его тоне прозвучали очень простонародные нотки.

Карб кивнула и пошла к антиграву, чтобы занять свое место. Рост облизнул губы, потому что ему вдруг захотелось пить, но последовал за ней. Кажется, он уже видел, куда пилот сунул фляжку с водой, а может, даже разбавленным каким-нибудь местным соком, хотя сомнительно, что на Валламахиси, где всего было очень мало, имелись какие-нибудь фрукты, из которых имело бы смысл давить сок. А если они и имелись, то оставались недоступными летчику такого невысокого ранга, как Джар.

Информацию о том, что есть какие-то «ненадежные», которую ему очень хотелось бы обдумать, следовало оставить на потом. Но сама эта мысль как-то согревала, внушала надежду... Пусть пока и призрачную.

Глава 5

Кажется, все началось с того, что Ростик почувствовал, причем довольно неожиданно, что море изменилось. Цвет, направление, рисунок и характер волн – все стало другим, более знакомым и в то же время более чужим. Ну, что волны изменились по сравнению с теми, к которым он привык за месяцы поиска рыбы, было не удивительно. Но то, что волны имели другой цвет и вид по сравнению с теми, которые он видел у Людомира, было для него неожиданностью. Хотя, если подумать, все было правильно. Дома-то море он видел в заливе, а это, что ни говори, совсем другое дело, чем океан. Да и вообще, если бы он не прожил несколько лет в Храме на самом берегу, когда другой интересной «картины», кроме волн и неба вокруг, просто не было, скорее всего, он бы ничего не заметил.

Его отношения с Джаром и, что более важно, с Карб к тому времени продвинулись уже настолько, что Рост смело обращался к ним. Причем иногда так, что они только ругались, потому что не могли ответить и на половину его вопросов. А треть из них даже не понимали. Но хуже всего было то, что огромное количество своих слов теперь плохо понимал и сам Ростик.

Даже не потому, что они звучали необычно, резали слух, а порой отрицали тот смысл, который он привык вкладывать в эти же слова на едином, например, когда на них говорили аймихо. А потому, что эти слова, в силу их не всегда ясного представления, вызывали такие странные идеи и, следовательно, такие необычные предположения, что Рост терялся, когда его просили пояснить, что он имеет в виду. Кажется, он стал к этому даже привыкать и в какой-то момент принялся думать, что если хорошо понимает, что хочет спросить, тогда идея сама по себе не интересна, и если он подумает, то самостоятельно найдет ответ на любой вопрос. Как, например, по поводу изменившегося моря.

Когда в таких случаях он приставал к Джару, тот только хмурился. Синтра вообще зыркала на него так, что он только вытягивался, как новобранец перед командиром, к чему привык еще в бытность свою бессловесным рабом. А вот когда он все-таки решался поинтересоваться о чем-либо у Карб, она обычно отвечала, хотя и не так, как он ожидал. Она вообще оказалась наиболее информированной из трех его новоприобретенных знакомых и в большей степени, чем Синтра или Джар, была склонна к рассуждению, не замыкалась на ограниченной задаче, и потому разговаривать с ней было интересно.

По поводу его замечаний о море, например, она ответила:

– Подходим к Вагосу, ты правильно заметил. Только ты об этом особенно не распространяйся, все и так на взводе.

– Почему? – снова поинтересовался Ростик.

Они сидели, так сказать, за трапезой, ели свежехваченных, только что хорошенько прожаренных с помощью солнечных зеркал рыбок-капистр, напоминающих крупных азовских бычков, вкуснее которых, пока они свежие, вообще не было.

– Там нас расформируют, – отозвалась Карб после паузы.

– Кого «нас»?

– Валламахиси. Все корабли, экипажи, и даже тебя это коснется, потому что... Наш общий командир, которого ты видел, тоже будет куда-то переведен. А значит, он может от нас отказаться, ведь мы выполняем не слишком ответственную работу.

И Карб отчего-то погрустнела. Хотя, как Ростик думал, подобные перетряски должны были часто происходить в динамичном, склонном к постоянному движению обществе губисков. Она, как обычная женщина, легко привыкала к постоянству и определенно хотела, чтобы добытые привилегии и удобства не ускользали. Поэтому она и расстроилась, решил Рост.

Про себя он подумал, что ему-то бояться нечего. Уж очень на него неприятное впечатление произвел чегетазур Саваф, да и «общий командир» несупена Пинса, которую имела в виду Карб, тоже не проявляла доброжелательности по отношению к Росту.

А еще, возможно, он так думал, потому что впервые сколько-нибудь успешно начал читать книжки. Разумеется, пока самые простые, для детей, скорее даже для несмышленишей. Но и из них узнавал много любопытного.

Например, он узнал, что губиски, или пурпурные, как он обычно их про себя называл, бывают трех видов. Первым видом, наиболее влиятельным, были г'меты, почти всегда занимающие офицерские должности, маленькие, чрезвычайно подвижные, с которыми лучше было не связываться, потому что, помимо способностей к суггестии, они не были склонны заводить долговременных отношений. Это Ростик понял и из наблюдений за короткими пурпурными, и из текстов, которые прочитал. Они даже браки между собой не поддерживали, кажется, им это было не нужно, или они вообще плохо относились к детям. Иногда для не очень определенных целей иных из г'метов выбирали несупены, но тогда, и только тогда они служили своим командирам очень преданно.

Следующими по влиятельности были губиски примерно человеческих размеров, габаты. Эти не очень любили физическую работу, в основной части, как понял Ростик, являлись интеллигентами – врачами, учителями, инженерами, редко торговцами, в том смысле, в каком в цивилизации пурпурных вообще существовала торговля. Эти были уже в большей степени, чем г'меты, склонны к долговременным отношениям, почти в половине случаев вступали в супружество, но браки их часто распадались, потому что менять партнеров было знаком «избранности». Но даже в распавшихся семьях они продолжали опекать своих отпрысков, которых иногда оказывалось довольно много, потому что женщины-габаты вообще рожали чаще других.

Последней, третьей разновидностью пурпурных были гиганты, или п'токи. Вот они, как правило, охотно работали физически, особенно мужчины, из них получались неплохие, насколько Рост мог судить, военные, а самые толковые даже входили в нижний офицерский корпус, и не только в армии, но и в гражданских областях. Из них часто выходили надсмотрщики или бригадиры для ламаров, квалифицированный обслуживающий персонал, строители и даже конструкторы. Они чрезвычайно любили детей, причем не только своих, увлеченных габаритов, но и от г'метов или габатов. Обычно они жили большими, сложными, многосоставными семьями, и если кто-то из этих семей добивался на каком-либо поприще хоть некоторых успехов, обычно «тащил» за собой весь свой клан, чего у других губисков почти не бывало.

Еще в тех же книжках Ростика очень заинтересовали ярки, или ярк, то есть он встречал и несклоняемую форму определения этих существ. Это и были те самые пернатые ящерки с очень ясными, завораживающе-красивыми глазами. Эти существа были теплокровными, живородящими и определенно находились в каком-то родстве с дварами, вот только из этих примитивных книжек не совсем понятно было, в каком именно. Про них довольно много было написано. Их главной особенностью было то, что якобы они обладали свойством животной левитации, умели падать почти с любой высоты, не разбиваясь, а наиболее тренированные даже зависали в воздухе, подпрыгивая с места.

Они пользовались каким-то необъяснимым влиянием на несупенов, но обычно хорошие ярки – хотя и непонятно было, что вкладывалось в это понятие, – уходили служить уже чегетазурам. Тем самым каменноподобным уродам, которые получались из несупенов.

Чтобы получить чегетазура, несупена обычно выколачивали, обрубали его коротенькие ноги, уродливые ручки и вживляли какие-то не очень понятные приборы. Чегетазуры после определенной подготовки и тренировки составляли костяк всей этой довольно сложной, развитой по Полдневым меркам цивилизации. Обычно чегетазуры жили очень долго,

многие века, иногда доходило до тысячи лет, но вот что с ними было потом, Ростик, как ни рылся в книжках, не узнал. Возможно, дело было в том, что набор этих самых книжек являл удручающее отсутствие серьезных трудов. А может быть, ему следовало научиться читать получше, чтобы понимать тексты, которые могли просветить его в этих вопросах.

Но вот что интересно, для всех несупенов, определенно, существ не слишком приспособленных для существования в естественных условиях, целью, и смыслом жизни, и даже высшим предназначением было одно – стать чегетазуром. Этого Ростик не понимал. Хотя ему в какой-то момент начинало казаться, что можно объяснить это стремление стать увечным уродом, не способным даже еду поднести ко рту, именно долгой жизнью чегетазуров. Ведь несупены, какими бы влиятельными и развитыми они ни были, редко жили дольше трех-четырех столетий.

А потом все вдруг изменилось, и весьма радикально. Началось с того, что почти половину кораблей, составляющих Валламахиси, как-то ночью оторвали от плавающего острова и увели на север, насколько мог судить по своим, человеческим представлениям Ростик. Потом и оставшиеся корабли через пару дней разбились на несколько групп, и тут же все сейнеры были возвращены на базовый корабль, потому что, как сказала Синтра, теперь стало не до рыболовства.

Ростика вернули в ту же казарму, в которой он обитал сразу после того, как его выдержали из дрожжевого цеха, и, к его удивлению, туда же переселили часть тех губисков, с которыми он привык иметь дело, а именно Карб, Синтру и Джара. Там же оказалось немало надсмотрщиков и даже три ярка. Эти держались особняком. Да и губиски теперь стремились оставаться каждый сам по себе, откровенно рассматривая окружающих как конкурентов.

Их корабль стал формировать небольшую эскадрилью из антигравов, в которую входило два треугольных крейсера, с десятков обычных легких машин и с полдюжину грузовых леталок с двумя котлами. Команды почти на всех этих машинах были уже укомплектованы, и не составляло особого труда догадаться, что они должны были послужить транспортом для тех, кого начальство решило перевести куда-то на другое место службы, сняв с корабля.

А спустя еще дня три Карб вдруг ввалилась в казарму расстроенная до такой степени, что даже не застегнула все пуговицы и пряжки на комбинезоне либо специально их разорвала, выражая крайнюю степень отчаяния. Рост, как обычно, читал что-то, но, заметив ее, подошел и сделал приглашающий к разговору жест рукой. Обратиться к габату без этого жеста считалось серьезной формой неподчинения.

– Чего ты хочешь? – Карб действительно была расстроена, она уселась на табуретку и принялась укладывать личные вещи, которых у нее было на удивление немного, в мешок, чем-то напоминающий солдатский сидор, только побольше размерами и не из брезента, а из легкой и прочной кожи какого-то морского существа.

– Получила новое назначение?

– Переводят на другой корабль, – Карб судорожно, почти по-человечески, вздохнула. – А это значит, что начинать придется с самого низа, не иметь своей каюты, спать в казарме, как тут. – Она осмотрела помещение, в котором было больше коек, чем свободного пространства.

– А если бы Пинса оставила тебя при себе, тебе бы не пришлось начинать... с начала? – снова спросил Ростик.

– Разумеется, я бы сохранила и свои преимущества, и свое звание, и даже, возможно, свой пост.

Про пост, который занимала Карб, Ростик ничего не знал, ему казалось, что последние месяцы пурпурная девушка только и делала, что возилась с ним, с Ростиком-человеком. Но, вероятно, у нее были и какие-то другие обязанности.

– А про меня ты ничего не знаешь?

Карб подняла на Ростика горячий от бешенства взгляд. Но сдержалась.

– Кажется, тебя решили оставить при корабле, уж очень ты ловко рыбу ищешь. Без покровителя не останешься.

Она так и сказала – «без покровителя», а это значило... Ничего это не значит, решил Ростик, останусь вечным наездником в мелких рыбознахарских командах при каком-нибудь другом чегетазуре. И тут же понял, что его это не устраивает. Нужно было что-то делать, причем срочно.

– Куда отправляют Пинсу? – спросил он.

Карб, как ни была она зла, вдруг поняла, что он спрашивает не просто так. Хотя ко всем возможным вариантам развития, которые мог бы предложить Ростик, отношение у нее было весьма скептическим.

– Разумеется, она остается при Савафе. Ему без нее не обойтись. – Карб помедлила, потом все-таки закончила: – Но Савафу из несупенов придают только ее, быть отставленным с большим позором просто невозможно.

Спрашивать про Савафа было бессмысленно. Это были уже такие сферы из иерархии пурпурных, в которые еще недавний раб, а может быть, и нынешний, просто с чуть большей свободой перемещения по кораблю, вмешиваться не смел. Тогда Ростик сказал твердо, даже немного грубо:

– Не можешь устроить мне встречу с Пинсой?

Карб подумала, посмотрела на Ростика:

– Что ты задумал?

Он очень побаивался, что его способность к предвиденью не проявится, но она неожиданно возникла легко и ярко и даже почти безболезненно, как во время самых лучших, самых удачных тренировок, которые ему устраивали аймихо.

– Хочу поговорить.

– Дела ей другого нет, как только болтать с тобой, – буркнула Карб с самым что ни на есть простонародным выговором, частенько свойственным габатам. Но отложила свой мешок и куда-то ушла.

Читать дальше Ростик не мог. Он отложил книгу и просто ждал, полулежа на своей койке. Он хотел бы добиться большей определенности в своем предвиденье. Но ее не было, он не знал, что случится с ним, чем он будет заниматься на новом месте, в чем окажется его выигрыш, если он сумеет остаться при Савафе с Пинсой. Но какой-то выигрыш у него при этом определенно должен быть, это он чувствовал твердо.

Потом его вызвали по внутренней связи, и, когда он пришел на верхнюю палубу, ему показалось, у него возникает дежа-вю, потому что у края платформы, в стороне от корабельных надстроек, его ждал ярк Пинсы. Тот самый, что вытащил Ростика из дрожжевой фермы. Теперь-то Ростик отчетливо видел, насколько Лодик молод и, пожалуй, предприимчив. Иметь такого союзника было бы неплохо с любой точки зрения, но особенно теперь, когда Ростик едва ли не случайно для себя затеял собственную игру, пусть мелкую, но, возможно, такую, от которой для него многое зависело.

Около Лодика находился какой-то г'мет, невыразительный, длинноволосый и, как показалось Ростик, очень злой по той причине, что их всех расформировывали, и потому, что его оторвали от какого-то дела, которое казалось ему более интересным, чем разговоры с Ростом.

Для начала Ростик поклонился, потом выпрямился и стал ждать. Меньше других терять время был склонен Лодик. С необычным, свистящим акцентом, свойственным яркам, он приказал:

– Говори.

– Я Рост, человек... – договорить не дали.

– Мы знаем, что ты такое, – длинноволосый г'мет едва не визжал, впрочем, высокий голос в их среде считался признаком начальственного положения, вот его-то он и демонстрировал.

– Прости, что отнимаю время, – промямлил Ростик, – но я хотел бы остаться с Саваф-то-Валламахиси, в его команде, и, разумеется, с несупеной Пинсой, которая остается служить ему.

– Ты ему сказала? – бросил красноватый от злости взгляд на Карб незнакомый г'мет и повернулся к Ростiku: – Это невозможно... Вернее, зачем ты нам?

– Я умею искать то, что скрывают пространства, – произнес Ростик. – Скрывает не только вода, но и леса, пустыни, даже недалекое будущее.

– Это нас не касается, – буркнул длинноволосый г'мет и повернулся, чтобы уйти.

– Падихат, почему ты так говоришь? – внезапно спросил Лодик.

Все замерли. А Лодик, неторопливо повиливая хвостом, подошел к Ростiku, взгляделся в него.

– Я могу указать место, куда направят Саваф-то-Валламахиси, – отозвался Ростик, – если мне дадут карту континента, к которому мы движемся.

– Этого не знает даже Пинса, – неопределенно сказала Карб.

– В силу каких-то причин, которые неясны даже мне самому, я умею искать, – повторил Ростик. – Не больше, но и не меньше.

Ярк вдруг вломился в сознание Ростика, причем так грубо и эффективно, что человек даже присел. Это было больно, это было мучительно, в чем-то это было даже хуже, чем обследование, которое когда-то учинил ему Саваф.

Когда красная пелена боли немного рассеялась, Ростик понял, что Лодик шлет кому-то ментальный доклад. Впрочем, не составляло особого труда догадаться, что общается он с Савафом. Обмен информацией был очень быстрым, Ростик не понял даже трети тех сигналов, которые использовали оба ментата. Единственное, в чем он был уверен, что главную нагрузку этого разговора взял на себя Саваф, и это наводило на некоторые мысли... Например, немного понятнее становилось, почему разрыв связей с командирами для многих пурпурных был делом мучительным и почему перевод под другое командование отбрасывал их, так сказать, к исходной точке карьеры. Ведь обучение такому общению было делом долговременным, и каждый из чегетазуров обучал наиболее приближенных к себе подчиненных собственным навыкам ментального общения, другой чегетазур использовал бы другие приемы, воздействовал на другие центры мозга, может быть, работал в иной частотной полосе сигналов.

– Саваф говорит, – озвучил результаты своего доклада Лодик, – что сейчас ты пройдешь небольшой тест. Если ты не справишься, от тебя избавятся.

В сознании Ростика вдруг зрительно и довольно явственно возникла карта, словно бы он действительно видел ее воочию. Разумеется, давление на сознание стало еще грубее, но оно уже не было внезапным, Ростик мог даже выпрямиться и почти вернул собственное мышление... Все, нужно соображать, решил Рост, иначе действительно выстрелят в затылок и сделают вид, что другого решения не было.

Карта была ясной, хотя и выполнена по обычным законам губисков, тем самым, для расшифровки которых людям потребовался не один год. Но с этим Ростик уже умел справляться. Он осмотрел ее.

Какой-то участок суши, который попадал в поле этой карты, представлял собой часть континента, куда губиски шли на кораблях. На берегу этого континента стоял город, даже цепь городов, вытянувшихся вдоль моря, численность которых определенно составляла два-три миллиона разнообразных существ, но... Это было не то, что требовалось искать. Саваф спросил с каким-то подвохом, его не интересовал город.

И тогда Рост вдруг понял, что кусочек суши где-то далеко на западе от этого города, может быть, в четырех тысячах километров, выглядит чуть более теплым, именно теплым... Хотя непонятно было, как он мог в этой ментальной проекции видеть не только карту, но и определять на глазок расстояния, раньше ему такое не удавалось. Это вообще было уже за пределами человеческого сознания, на это не всегда были способны даже аймихо.

Кусочек суши, который выглядел теплым, стал увеличиваться, словно зрение Ростика приобрело способность мощной подзорной трубы. Потом он заметил в выбранном участке что-то блестящее, это было озеро, нет, скорее море, по размерам не уступающее Каспию на далекой Земле... Потом с южной стороны этого озера возникло что-то, похожее на линию, она горела, двигалась и несла смерть. Линия фронта, решил Ростик, только с кем тут сражаются губиски, причем так упорно, так ожесточенно, с использованием таких мощных армий, по сравнению с которыми войны человечества выглядели пустынной стычкой?

И вдруг он понял, что Савафа интересует только один кусочек этого фронта, неподалеку от берега. Именно за этот участок ему и предстояло отвечать, там он и будет командовать войсками, бьющимися с неизвестными врагами губисков.

Рост закачался, он истратил слишком много сил и на восприятие карты, и на поиск этого района, примыкающего к озеру. И еще, пожалуй, он действительно сам разобрался в том, что видел, потому что Саваф так сформулировал свое ментальное послание, что по нему невозможно было ничего понять, дополнительных смыслов эта связь не несла.

Ростик почувствовал, что способен снова видеть и Карб, стоящую сбоку от него, и Падихата, и, конечно, Лодика, который по-прежнему внимательно вглядывался ему прямо в глаза. Потом ящер сделал странное движение головой, словно глотал очень большой кусок пищи, и бодро оповестил:

– Ты прошел испытание, Рост-человек. Саваф приказал тебе собирать пожитки. Ты принят в команду и отправляешься с нами.

– А я? – тут же спросила Карб. – Я лучше других умею с ним обращаться...

– И ты, и даже Синтра с Джаром, – ответил юноша-ярк и отправился к надстройкам корабля. Уже на ходу, не оборачиваясь, он добавил: – Вылетаем под вечер, так что у вас достаточно времени на сборы.

Глава 6

Вагос оказался куда больше, чем Ростик предположил, ментально разглядывая карту, которую ему оттранслировал Саваф. Город насчитывал не сотни тысяч, а более десяти миллионов жителей. Он протянулся вдоль берега иногда узкой полосой, всего-то в несколько сотен шагов, иногда вгрызаясь в континент своими строениями, башнями, дорогами и искусно пробитыми каналами на многие километры. В целом, наверное, это выглядело красиво.

Жаль только, что, когда они подлетали к Вагосу на крейсере, на котором летела Пинса, Роста поставили к котлу с другими п'токами, многих из которых он не знал. Но даже если бы знал, грести от этого было бы не легче, нагрузку нормального рослого работяги с него никто не снимал. Да, возможно, Ростик и сам не согласился бы, пока не упал бы без сил. К сожалению, сил этих оказалось немало, и он проработал почти весь путь до города, а когда все-таки его сменили, рассматривать что-либо было уже поздно, солнце выключилось, и ничего, кроме редких очагов света, ни внизу, ни по сторонам не виднелось.

Они приземлились часа три спустя и сразу принялись обустраивать помещения для Савафа, которые оказались просторными и гулкими, потому что мебели в этих высоких белокаменных стенах почти не было. Лишь стояли какие-то столики, сундучки и, разумеется, ложе чегетазура.

Потом, уже далеко за середину ночи, сумели устроить спальню Пинсы, куда немедленно удалился Лодик, разразившись плаксивыми причитаниями, которые должны были всем подряд, и Пинсе в том числе, внушить, что он расстроен скромностью дворца, который им выделили, хотя Рост считал, что жилье, где они оказались, было огромным и почти красивым. И уж, конечно, не шло ни в какое сравнение с теснотой любого из кораблей Валламахиси.

Довольно быстро, без всяких проблем, устроили на ночь Падихата неподалеку от спальни Савафа, а потом всех п'токов и рабов с ними вместе отправили спать в общую казарму, которая мало чем отличалась от обычной конюшни, если бы в цивилизации пурпурных имелись лошади.

А поутру опять начались хлопоты по обустройству на новом месте. Ростик старался помогать, как мог, особенно потому, что Карб странно на него поглядывала, да и Джар со своей Синтрой все время оказывался неподалеку и демонстрировал придирчивость. Но если у них как раз были какие-то заботы, то у самого Ростика их очень скоро почти не оказалось. Вернее, его, конечно, гоняли бы в хвост и гриву, чтобы он носился по всему дому как остальные рабы, но он ушел помогать командам антигравов, и о нем забыли.

Помимо устройства виллы, действительно чрезвычайно похожей на какой-нибудь дом богатого и знатного римлянина времен расцвета Империи, его заинтересовала новая раса рабов, которых он не видел на Валламахиси. Вернее, наверняка видел, но находился тогда в таком затуманенном состоянии, что не мог этого вспомнить. Назывались они ламарами. И очень напоминали людей, просто до невероятия.

Вот только они были очень высокими, мускулистыми, и у некоторых бросалась в глаза сильная нижняя челюсть. Они бы походили на рослых питекантропов, если бы у них имелись волосы, но большинство было лишено даже бровей. А потом Рост решил, что когда-то волосы у этих рабов росли, но тех ламаров, которых он видел в новом доме Савафа, лишили этого украшения, исходя из гигиенических целей и чтобы психологически подчинить их, потому что отсутствие волос, как быстро стало понятно, в Вагосе рассматривалось как признак неполноценности. Чем это было вызвано, Рост пока не знал, а расспрашивать кого-либо по этому поводу не решался, опасаясь привлечь к себе внимание.

Еще у ламаров были очень большие головы, раза в два больше, чем у Ростика, с правильными по человеческим меркам черепами, глаза с плоску размером, почти всегда с темной радужкой и вертикальным, окрашенным темной зеленью зрачком, и руки почти до колен. Кисть составляли, как правило, четыре пальца, но у некоторых, особенно у женщин, иногда имелся крохотный мизинец, которым эти существа чрезвычайно гордились и который использовали только для украшения какими-то специальными кольцами. Вообще, пятипалые могли рассчитывать на более уважительное к себе отношение даже со стороны пурпурных, и Рост заподозрил, что Саваф решил его ментально проверить, потому что его рука имела именно такое строение.

Гораздо позже, когда он уже научился разбирать невразумительную, построенную только на горловых звуках речь ламаров, даже когда они пытались говорить на едином или на языке пурпурных, он узнал, что пятипалые почему-то считались чем-то вроде «шаманов» или даже восхунами – еще одной чрезвычайно редкой антропоморфной расой, относящейся, по-видимому, к чему-то среднему между губисками и аймихо.

Но в целом ламары были совершенно несчастными существами, неопрятными и склонными к неожиданным депрессиям. К тому же, несмотря на все внешние признаки силы, они быстро уставали, так что даже Ростик казался более вынослив, а потому от п'токов им приходилось терпеть разного рода подковырки, иногда совсем не безобидного свойства.

Рост как попробовал жить вместе с пурпурными гигантами, так с ними и остался, хотя некоторые из них косились на него, но, в общем, слишком уж серьезно не задевали, должно быть, и до их казармы докатилась весть, что этого непонятого, похожего на габата дикаря прихватил с собой сам Саваф.

Как только ситуация позволила Ростiku хоть немного приодеться, он попробовал выйти за ворота поместья, окружающего виллу Савафа, и, к его неожиданной радости, его выпустили беспрепятственно, приказав только обязательно присутствовать за ужином. Это действительно было важно – не оказаться нечаянно в числе беглецов, а использовать предоставленную свободу максимальным образом.

От виллы Савафа до ближайших городских окраин Вагоса нужно было пройти не больше двух, может быть, трех километров, зато потом начинались сплошные улочки, такие узкие и грязные, что иногда по ним и пройти было невозможно – ящик с отбросами, выставленный за дверь из какого-нибудь дома, перегораживал ее совершенно, и без риска испортить одежду нечего было и думать форсировать такую преграду. Почему жители города так поступали, Ростик не знал, но надеялся, что эти ящики кто-то должен убирать, что, кажется, и происходило, хотя он ни разу не стал свидетелем такой операции.

В ближайшей части города обитали преимущественно яркие, только более ободранные и менее красивые, чем Лодик, да еще стики – чрезвычайно похожие на тех кузнечиков, с которыми люди вынуждены были сражаться в первые же недели после переноса Боловска в Полдневную сферу. Оказалось, что этих самых стиков имелось с три десятка разновидностей. Тут были и прозрачные, и богомолы, как привык их называть про себя Ростик, и с темным хитиновым покровом, используемые для разных ремесел, то есть приспособленные для тонкой работы, и прочие... На едином они почти не говорили, очень редко удавалось встретить особь, способную издавать звуки, похожие на язык пурпурных, которого Ростик не знал, поэтому общение свелось к нулю.

Еще его чрезвычайно интересовали – и пугали одновременно – существа, которых все называли вас-смерами. Они были похожи на морских слизней, то есть совершенно неопределенные по форме, напоминающие скорее несколько склеенных кусков полупрозрачного мяса, чем функционально устроенное существо, без заметного деления тела на ноги, руки, туловище и голову. Но, когда было необходимо, из них каким-то образом выходили пучки длинных отростков с очень неприятного вида отверстиями на их кончиках. Они почти всегда

пребывали в состоянии какой-то отстраненности, любили греться на солнце, иногда сплетались в клубки, но главная особенность, отчего их все сторонились, заключалась в том, что из этих самых «пальцев» они умели стрелять довольно сильным плазменным шнуром, словно из ружья пурпурных. Вас-смеры всегда были солдатами и редко подпускали к себе кого-нибудь, кроме ярков. Однажды Ростик даже увидел, как вас-смер выстрелил в стика, который, по мнению слизня, недостаточно быстро и почтительно уступил ему дорогу.

Разумеется, в Вагосе имелись и другие расы, но Ростик слишком плохо ориентировался в обстановке, чтобы проявлять интерес к кому бы то ни было, тем более что этим он рисковал в ответ получить удар копьём, ножом или нарваться на выстрел из пистолета. Оружия, кстати, в городе было немало, но кроме стражи города, состоящей из пурпурных с незначительным количеством вас-смеров, остальные горожане носили его скрытно, в складках одежды либо на теле, и догадаться о нем Ростик не мог бы даже в трансе всезнания.

Хотя, в общем, это его не очень интересовало. Потому что уже в третью свою исследовательскую экспедицию по городу Ростик, ведомый каким-то странным ощущением, обнаружил не что-нибудь, а публичную библиотеку. Он даже сумел проникнуть в нее, минуя стражу, должно быть потому, что его приняли за какого-нибудь экзотического губиска, но книги выдавать отказались, даже когда он на своем едином объяснил, кто он такой, где обитает и кто его господин.

А добраться до книг очень хотелось, потому что библиотека была неплохой. Тут имелись и свитки, и кодексы, почти похожие на книги его родного человечества, и книги из пластинок тонко обработанного дерева, и даже плиты каменного литья, на которых хранили свои знания Шир Гошоды.

Пришлось обратиться к Падихату, тот перетолковал это дело с Лодиком, и спустя несколько дней Пинса дала по все той же цепочке разрешение, которое выразилось в широкой, с ладонь, металлической пластинке, служащей своеобразным залогом за взятые для чтения книги и одновременно знаком разрешения пользования библиотекой одному из челядинов поместья Савафа, которым Ростик номинально являлся.

Вот тогда-то Ростик почувствовал, что мир вокруг может быть не только тупо-враждебным, но и интересным. Он просто утонул в книгах, которые пытался читать, и действительно, все точнее проникался грамотой на едином, пусть даже понимая иные трактаты с пятого на десятое.

Но постепенное изучение устройства цивилизации пурпурных, которая не очень отличалась от земных образцов времен античности, вывело его на одну любопытную загадку. Вернее, на две, но обе, как подозревал Ростик, были довольно близки.

Первая загадка, которая не давала ему покоя, заключалась в том, что губиски, как оказалось, вели постоянную, длящуюся тысячи лет войну с какими-то металлическими полурастениями, создающими что-то похожее одновременно и на города, и на лабиринты. Войны эти велись с переменным успехом, но всегда на полное уничтожение противника.

Второй вопрос, ответа на который Ростик не мог получить из книг, заключался в простой формуле – почему такая в общем-то небогатая цивилизация, как пурпурные, сохраняет чегетазуров? Ведь это требовало огромных усилий, сумасшедших расходов и совершенно невероятного труда. По сравнению с земной цивилизацией, Ростик приходило на ум только одно сравнение – строительство пирамид. Но даже обдумывая сходство этих двух культурных феноменов, он не сумел продвинуться вперед ни на шаг.

Старых чегетазуров, которые полностью утрачивали контактность, свозили в какое-то особенное место и продолжали кормить через специальную воронку, за ними ухаживали, даже, кажется, обеспечивали развлечениями, если под этим термином подразумевать усилия особым образом обученных ярков, которые должны были только думать, но так, чтобы чегетазуры могли их понимать. Ни от самих окаменевших, уже трупобразных великанов не

приходило никакого ответного сигнала, ни от ярков, которые их развлекали, не было никакого проку. И все-таки такая система существовала, более того, это почиталось делом священным, и покушаться на ее устои было кощунством.

О Ростике, между тем, забыли окончательно, возможно потому, что у Савафа имелись другие, более насущные задачи. Поэтому Рост решил сделать еще один ход, разумеется, всего лишь для того, чтобы получить доступ к тем книгам, которые пользователям его статуса в библиотеке не выдавались.

Однажды он выпросил у Падихата несколько металлических «шрапнелин», так здорово напомнившим ему Одессу, что он даже зубами заскрипел, когда пришла пора с ними расставаться, и купил на рынке пару свитков, похожих на папирус, две кисточки и палочку туши. А потом засел в укромном месте сада и за пару недель сочинил трактат, излагающий методику поиска рыбы. В нем он пересматривал основные стереотипы, которыми пользовались капитаны вроде Синтры, и описывал свои методы, обобщая, так сказать, опыт службы в качестве поисковика.

Когда он закончил это сочинение, изложенное очень простыми письменами на едином, он призадумался, что делать дальше. Для начала он набело переписал его, стараясь избегать слишком уж смехотворных ошибок в каллиграфии. А потом отправился посоветоваться с Джаром.

Известие, что Рост сочинил целый свиток о разведке косяков рыбы, Джара испугало. Как он пояснил, существовало правило, по которому сочинение любого автора должно быть представлено в ближайшую библиотеку специальному, имеющемуся для таких проблем цензору. И до его одобрения даже копировать собственный труд никто не имел право. Пришлось Росту врать, что он не просто переписывал, но улучшал свое сочинение, и после этого срочно отправляться в библиотеку.

Тут его познакомили с сухим, стареньким г'метом, который принял его труд, едва удерживаясь от грубостей. Еще раз довольно пристрастно расспросив Ростика, кто он и откуда, кому принадлежит и куда направлять отзыв, г'мет все-таки его отпустил, но несколько дней Роста не оставляло подозрение, что он попал в сложное положение, с которым, возможно, не сумеет справиться.

А потом его вызвал к себе Саваф. Разговор будет неприятным, решил Ростик, когда увидел, что не только Пинса, Лодик и Падихат решили присутствовать на этой аудиенции, но и пара каких-то незнакомых ярков и даже еще одна несупена, возле которой столбами возвышались два стражника из вас-смеров.

– Кто надоумил тебя писать? – спросил Саваф своей беззвучной речью, одновременно вызывая у Ростика в сознании видение первых строчек его трактата.

– Я хочу быть эффективным в том, к чему у меня есть способности, – ответил Ростик. – А я умею искать. Поэтому попробовал разобраться в теоретической части поисковой задачи...

– Или ты слишком умен для раба, – буркнул Саваф, обрывая Ростика, – что опасно, или... придуриваешься.

– Прошу извинить меня, – вмешалась чужая несупена, – но подделать то, что создал этот... это странное существо, называющее себя Ростом, невозможно. Он действительно слишком умен для раба.

– Посредством этого трактата многие трал-мастера научатся лучше искать рыбу, неужели это плохо? – спросил Рост, принимая самый невинный вид.

– Ты знаешь, что думать тебе не положено. Есть другие, более достойные, кто думает! – взрыкнул Саваф.

– Они не умеют искать так, как умею я.

– Ты споришь? – казалось, Саваф потрясен. – Ты споришь?!

– Никоим образом, господин, – тут же отозвался Ростик, вытянувшись в позе подчинения. – Я лишь хотел...

– Тем не менее следует признать, что существо по имени Рост оказалось полезным, – вдруг довольно мягко проговорила чужая несупена. – В совете нашего района города решили, что наказывать его следует не слишком строго. Но что действительно необходимо, так это предупредить, чтобы он больше ничего втайне не писал. Если у него возникнут какие-либо мысли, он должен доложить об этом своему господину, а потом получить разрешение у главного цензора той библиотеки, в которой он пользуется книгами.

Рост тянулся изо всех сил, демонстрируя полное согласие.

Саваф протранслировал чужой несупене – или несупену? – что-то с такой скоростью, что даже яркие не смогли этого понять, а потом чужак с охранниками удалился, заставив всех обитателей виллы Савафа расступиться. Чегетазур, не двигая глазами, лишь перенося поле своего внимания, взгляделся в каждого из оставшихся в кабинете и вдруг почти добродушно извещил:

– Что ты ищешь в библиотеке, люд?

Очень велико было искушение задать чегетазуру те два вопроса, ответы на которые Ростик не находил, но он сдержался. Лишь пояснил:

– Я хотел получше выучить язык губисков, научиться писать на едином и еще... Да, еще я хотел овладеть каллиграфией.

Саваф чуть дрогнул, лишь спустя пару секунд Ростик понял, что чегетазур веселится. Потом каменноподобный обратился к Пинсе:

– Проследи, чтобы этому странному типу выдавали те книги, которые позволительно читать губискам и даже яркам. Мне будет интересно, что он учинит в следующий раз... Да, еще предоставь ему возможность жить более комфортно.

– Найти подругу? – спросила Пинса. – Правда, где мы найдем такую, как он?

– Если найдется что-то похожее на него, – отозвался Саваф, – пусть она живет с ним, как это получается у п'токов, от которых этот малый недалеко ушел.

Потом минуты стали падать почти с физическим ощущением тревоги. Все ждали. Внезапно Саваф сказал, но так, что у всех, даже у Пинсы, как показалось Ростику, холодок прошел по коже:

– Я буду следить, чтобы ты... люд, не использовал полученные знания нам во вред. – Он снова помолчал, наконец добавил: – И оставь надежду когда-нибудь вырваться отсюда. Ты тут и умрешь.

– Это мое главное желание, – ответил Ростик традиционной формулой согласия, и аудиенция была завершена.

Возвращаясь в свою казарму, которую ему теперь следовало покинуть, чтобы перебраться в боковую пристройку виллы, где у него впервые за последние годы появилась возможность уединиться, Рост отчего-то подумал, что Саваф все просчитал куда точнее, чем сам Рост сумеет когда-либо об этом догадаться.

По сути, он добился лишь того, что из голодного раба ему предложили стать рабом сытым, располагающим кое-какой свободой, имеющим право пользоваться библиотекой, даже, пожалуй, разрешили писать другие свитки на не очень сложные и важные для этой цивилизации темы... Но все равно оставили рабом. Беспросветно, безнадежно, бессрочно.

Но раз так, он должен был разрушить этот план, добиться того, чтобы к нему изменилось отношение, может быть, даже позволили создать колонию людей... Но что дальше? Жизнь и любая работа на благо этой цивилизации была и будет капитуляцией, если не хуже. Например, тихим предательством, коллаборационизмом.

Следовательно, он должен, должен был найти дорогу, которая вернет ему свободу. Хотя и не знал, что для этого можно было в его положении сделать.

Часть II

Сытое рабство

Глава 7

Не прошло и пары дней после того, как Ростик получил «повышение», когда рано поутру в его каморку ввалилась целая компания. Это были Карб, г'мет Падихат, который весь пыжился от важности порученного ему дела, и ярк Лодик.

Падихат был нагружен какими-то свертками, свитками и даже воощеными дощечками. Нести все это ему было тяжело, он то и дело что-то ронял, и тогда Лодик укладывал эти вещи в подставленные руки Падихата, балансируя хвостом.

Больше всего Роста заинтересовало, конечно, почему Падихат не заставил нести свою ношу кого-нибудь из рабов, но на всякий случай он выпрямился в стойке, демонстрируя ожидание и полную послушность. Как ни удивительно, внутренне он уже приготовился к чему-то, что должно было существенно изменить ту жизнь, которую он вел последние три недели. Так и оказалось.

Падихат высыпал принесенные книги на небольшой столик, который находился в каморке, вероятно, с начала времен, и с заметным облегчением растер руки. Потом обратился к ожидающему Росту:

– Ты не понимаешь, люд, – голос его звучал напряженно, но все-таки не зло, – эти книги и карты я не имел права выпускать из рук.

Значит, он незаметно читает мое состояние, решил Ростик.

– Правильно, – согласился Лодик и с каким-то странным выражением, собрав вполне иронические морщинки в уголках своих выразительных и красивых глаз, осмотрел Падихата.

Он повернулся к двери и негромко, на грани человеческого слуха, каркнул какое-то вполне птичье слово. В дверь протиснулся один из охранников габатов, который втащил в жилище Роста конструкцию, которую с полным правом можно было считать креслом для ярка. Лодик сделал нетерпеливый жест, габат поставил кресло под окном, ярк тотчас уселся, причем его лицо оказалось в тени, а вся фигура Ростика, если бы он теперь расположился перед столиком, попала в поток света из окошка. Впрочем, поверхность столика тоже была отлично освещена.

– Я должен, человек, – заговорил ярк, как только охранник удалился, старательно чеканя шаг, то есть на ходу выражая почтение, – научить тебя читать наши карты и дистанционно находить, что нам нужно.

– Мне кажется, ему такое не под силу, – буркнула Карб на языке пурпурных, но Рост ее понял, недаром он в словарях этого языка разбирал не только графику слов, но и их фонетику.

– Посмотрим, – легко отозвался на пурпурном же Лодик и внимательно посмотрел на Ростика. – Саваф-то-Валламахиси считает, что ты не силен в наших символах, тебе придется научиться понимать их очень хорошо либо...

Он не договорил, но то, что он имел в виду, было для Ростика не самым хорошим вариантом.

– Причем быстро, – буркнул Падихат, с брезгливо-мученическим видом усаживаясь на кровать Ростика, потому что сидеть больше было не на чем.

Ростик даже мельком пожалел этого г'мета, хотя кровать у него была очень чистая, со свежим бельем, которое меняли чуть ли не через день, без малейших признаков всякого

рода насекомых, с покрывалом из плотной ткани, которая превращала его лежанку скорее в удобный диван, чем в место сна для низшего существа.

– Пусть вообще покажет, на что способен, – проговорила Карб опять на пурпурном.

Рост открыл рот, чтобы ответить ей, но закрыл, не издав ни звука, потому что сообщил, что этим слишком отчетливо покажет, насколько успешно он учит природный язык губисков. Лодик посмотрел на Ростика, его ироничные складки у глаз стали еще резче, он все понял, но не выдал этот маленький секрет человека.

А не ведет ли этот пернатый ящер какую-то свою, непонятную пока игру, подумал Ростик. Интересно, в какой мере он самолично добивался того, чтобы учить человека, и в какой мере выполнял приказ Савафа?

– Раз задача ясна, можно приступать, – решил Лодик и раскрыл перед Ростиком первую из карт.

Она была простенькой лишь по сравнению с теми, которые Ростiku еще предстояло изучать. Сравнительно с теми картами, которые когда-то достались человечеству в Боловске как трофейные, это был настоящий шедевр – точный, многослойный, с выдержанными расстояниями, угловыми ориентирами, с превосходной шкалой, позволяющей определять проходимость территории пешим ходом... И еще в ней было что-то, что позволило бы Ростiku, если бы он сумел в нее вникнуть, узнать о цивилизации пурпурных много нового и важного.

Ростик принялся думать, воображать предметы, ориентироваться на местности, оценивать расстояния и прочее в том же духе. Карта оказалась чрезвычайно насыщенной, уже часа через два его мозги буквально перегрелись, заклинили настолько, что он даже не реагировал на подсказки Лодика.

Он отвалился на табурете от ярко освещенного солнцем стола и вздохнул. Он был интеллектуально нокаутирован, как у него бывало только во время уроков, которые ему когда-то давали аймихо. Но тогда они поддерживали его своей энергией, помогали продержаться подольше, сделать еще шаг вперед. Теперь же его не поддерживал никто. Наоборот, как ему казалось, Падихат всеми силами старался ему мешать, а Карб, сидящая сбоку и тоже поглядывающая на карты, разложенные перед Ростиком, демонстрировала полное равнодушие к тому, что и как у него выходило.

Наконец Лодик произнес:

– На сегодня достаточно. Завтра, надеюсь, ты будешь в лучшей форме, чтобы понимать то, чего не понимал сегодня.

И ушел, оставив принесенные карты и свитки в комнате Ростика. С ним вместе ушли Падихат и Карб. А у дверей в комнату Ростика неизвестно откуда появился часовой из габатов. Впрочем, сторожил он, скорее всего, именно карты, а не самого Роста, которому вполне было позволено покидать комнату или возвращаться в нее, когда вздумается.

Лишь под вечер пришел еще один раб, из ламаров, который принес приказ, который он выговорил с ужасающим, рыкающим акцентом:

– Ярк-господин приказал тебе вернуть сегодня же все книги, которые ты принес из библиотеки.

– Почему? – не понял Ростик, но ламар не был способен ответить на этот вопрос.

Поразмыслив, Рост и сам понял, что Падихат, как ответственный за обучение, просто не хотел, чтобы человек растрачивал внимание и способность сосредотачиваться на такие вещи, как посторонние трактаты. Учить его Лодик был склонен всерьез, может быть, даже жестче, чем это выходило у аймихо. И Ростiku оставалось только подчиниться.

Он сдал книги, принес извинение библиотекарю, что не сумел понять последние тексты, и высказал предположение, что впоследствии их можно будет снова как-нибудь почистить, на что получил ответ, что этого, скорее всего, не будет. Значит, о новом положении Роста тут уже знали.

На следующее утро Лодик снова появился в каморке Роста, на этот раз только с Карб, потому что Падихату это почти бессмысленное просиживание на кровати раба казалось делом в высшей степени скучным и потому что человек вызывал у него только презрение и брезгливость. На этот раз Росту пришлось работать более сосредоточенно... А спустя неделю ему показалось, что перспектива вернуться пусть не на гидропонную ферму, а хотя бы в дрожжевой цех выглядит чрезвычайно заманчивой. Очень уж трудно было делать то, что от него требовал Лодик. Ростик просто валился с ног после каждого из этих уроков, полностью истощенный, вымотанный так, словно несколько суток перед этим таскал тяжеленные тачки, а может быть, и что-нибудь похуже. Только усталость накапливалась теперь не в его мускулах, а в нервной системе, в его способности думать, как иногда начинало казаться, в самом центре его естества, что в русской традиции называется душой.

И лишь спустя несколько недель этого каторжного – во всех смыслах – труда Ростик вдруг осознал, чем это вызвано. Он придумал такую схему, причем догадывался, что не слишком дал волю воображению, то есть не слишком ошибается. Дело было в том, что, несмотря на систему публичных библиотек, на Вагосе существовала как бы слоистая система знания. Первый слой, наиболее легкий для прочтения и вполне демократичный, был зафиксирован на основных языках цивилизации – едином, пурпурном и еще на двух других – в виде текстов. Но теперь Савафу для того, чтобы грамотно использовать Роста, требовалось передать ему второй, скрытый от профанов слой знаний. И местная география, которой, по сути, учил Ростика Лодик, послужила лишь образцом их мышления, которое передавалось ему, как когда-то говорил отец, «с корочки на корочку», подразумевая мозги, осваивалась скорее суггестией, чем собственно словами и понятиями.

Так Лодик и перегружал его память, ассоциативные способности, вообще возможность мыслить. Если бы под руководством аймихо Ростик не выучил методику восстановления мышления посредством медитаций, он бы безусловно не выдержал. А так... Спустя какое-то время он даже вернул себе способность соображать, разумеется, в рамках уже выученных, вытверженных, добытых таким трудом знаний.

Вот только знания, которые он получал этим таинственным образом, довольно далеко уже отошли от собственно географии, а касались... Рост и сам не мог бы определить, что это были за знания. При всем при том, Лодик внимательно следил за Ростиком и читал его мышление иной раз крайне бесцеремонно. Вероятно потому, что, как быстро понял Ростик, перестал опасаться этого слишком большого, сильного и непонятного человека. Ведь именно тайные опасения были причиной того, что ярк выставил стражу перед его комнатой даже во время сеансов обучения, а при первом контакте привел с собой Падихата и Карб.

Карб по-прежнему являлась с Лодиком, но, как быстро понял Ростик, несмотря на великолепные способности ориентироваться, свойственные губиска, скоро перестала понимать смысл того, чему ярк учил человека.

Наконец наступил день, когда Лодик, прервав себя на полуслове, вдруг серьезно посмотрел на Ростика и спросил, чуть более шипяще, чем обычно:

– О чем ты думаешь, человек? – Он вообще довольно редко обращался к Росту по имени, но теперь не составляло труда понять, что свое обращение он ассоциирует именно с Ростиком, превратив знак его расы в имя собственное. Этим ярк как бы вызывал Ростика на откровенность.

– Думаю о многом.

– Поясни.

И тогда Рост, понимая, что плохо взвесил последствия того шага, который вынужден совершить, рассказал, что уже несколько дней размышляет о странном явлении под названием Дс-Хгрм. Только он не знает, то ли это некоторые существа, то ли явление природы. Лодик кивнул:

– Правильно, Рост. Саваф предсказывал, что ты должен подняться до этих высот, только он не предупредил меня, когда это произойдет. – Ярк помолчал. – Дес-Хигрем, как это звучит в произношении более близком к единому, это – «высочайшее». При желании ты можешь считать это следующим названием – «То-что-Существует».

Рост подумал, мобилизовав все свои лингвистические способности.

– Возможны другие переводы. Например, «душа и гармония».

– Или «смысл Высокого», – поддержал его Лодик. Он прочитал следующий вопрос в сознании Ростика и добавил: – Это существа, которые на ступень выше чегетазуров и которые составляют главную расу Брубена. Цивилизации, вернее, мира, который существует перед горами, окружающими ближайшую к нам ось Сферы. Они умеют через отверстие в Сфере выходить в космос, хотя это их не очень интересует. Знаешь ли, космос мертв... Куда более важные и интересные дела происходят здесь, внутри Сферы, например, у нас, в нашем жигенам.

Рост, почти не напрягаясь, понял, что «жигенам» означает некое подобие слова «царство», или, еще вернее, «княжество». Ту территорию, которую контролируют пурпурные, с близкими океанами, огромными континентами и частично даже с пространством, составляющим космос внутри Полдневной сферы. В отличие от Лодика, Рост не был склонен величать сферу с большой буквы.

– Следовательно, жигенам много... Как они покрывают освоенные пространства? – просил он.

– Есть раса летателей на ракетах, – пояснил Лодик, будучи не вполне уверен, что такие знания уже требуются его ученику. – Но они не слишком дружественны нам, поэтому... иногда мы пробуем летать сами.

Рост не сумел вспомнить, как выглядят эти существа, хотя был уверен, что не раз натыкался на их описание в трактатах, а Лодик тем временем продолжил:

– Они невелики ростом, могут долго обходиться без воздуха и обладают правильным мышлением, позволяющим не заблудиться в любых пространствах.

Рост хотел было добавить, что на краю его сознания существует странная идея о том, что помимо летателей, скорее всего, уже из Брубен-мира, существуют, вероятно, какие-то контрабандисты, способные летать где им вздумается, не вписывающиеся в имеющуюся систему. И что цивилизации Брубен-мира приходится сражаться с этими контрабандистами, возможно, физически устраняя их... Но не стал. Он почувствовал, что и так зашел слишком далеко.

Урок продолжился, но без свойственной Лодику безапелляционности. А на следующее утро ярк принес с собой новый набор книг и свитков, которые Ростик снова должен был выучивать чуть ли не наизусть. Но теперь он занимался этим почти с охотой. Он понял, что справляется и скоро знания, которые он накапливает, станут его собственностью, а не инструментом, посредством которого Саваф вкладывал в него что-то свое, подготавливая к какой-то необычной и сложной игре. Эти знания, как теперь казалось Росту, могли дать ему, человеку, какое-то преимущество, и не только перед чегетазуrom, но и вообще... Ради этого стоило постараться.

Еще ему стало ясно, что помимо обозначенных, пусть сложным и весьма запутанным образом, областей существуют какие-то куски территории, вовсе не показанные на картах, даже самых подробных и аккуратных. Странная система картографии, избранная пурпурными, а скорее всего – чегетазурами, вполне позволяла это.

Но теперь способностей Ростика читать эти карты, находить в них смысл и просматривать почти любые детали, вплоть до причудливых изгибов рельефа или отдельно стоящих деревьев, хватало на то, чтобы за внешними нестыковками этого самого рельефа, территорий либо расстояний уловить такие вот «закрытые», спрятанные области.

Раздумывая над этой загадкой, Рост вдруг с удивившей его самой ясностью понял, что он не может расшифровать эти куски пространства, не способен увидеть, что же в них находится. Он, который, вработываясь в карту, был иногда способен разглядеть пасущиеся стада антилоп или горбатых жирафов... вдруг не смог проникнуть через завесу, которая закрывала эти районы, словно через пелену, туман, окутывающий не только поверхность сферы, но и сознание Роста.

И тогда он стал в своих медитациях не только разгружать мозги, но и попытался раскрыть эту тайну, попробовал избавиться от этого тумана. Хотя почему-то все время думал, что в той ситуации, в какой он оказался, это было чрезвычайно опасно, буквально смертельно. Но остановиться уже не мог. Стоило ли учиться всему, что он постиг, стоило ли вообще избавляться от рабства, если не идти до конца в этой борьбе с пурпурными, чегетазурами и всякими прочими, которые еще могли оказаться у него на пути?

Глава 8

Однажды Лодик пришел к Ростiku без сопровождающих. Это случилось уже ближе к тому времени, когда заканчивалось лето, третье по счету, которое Рост провел в плену у пурпурных. Конечно, в местной смене времен года Ростик пока не разбирался, слишком мало времени провел на Вагосе и вообще слишком мало обращал внимания на погоду, но и он чувствовал, что наступает другой сезон.

А возможно, причиной его понимания стал тот простой факт, что в изобилии появились фрукты. Например, подобие местного винограда, почти такого же вкусного, как на Земле. Здешние грозди были невелики, но зато имели самые замысловатые цвета – и оранжевый, и сероватый, словно облитый патиной, и малахитовый, попадались даже бесцветные, едва видимые в тени. Также появились дыни, но с привкусом персика и волокнистые, как абрикос. Они тоже были всех размеров и самых удивительных расцветок. Еще вволю появилось очень маленьких, но изумительно вкусных арбузов и огромных по человеческим меркам вишен. Но больше всего Ростiku понравился странный фрукт с невыговариваемым названием, что-то среднее между ананасом, клубникой и поджаренным картофелем, очень сытный и брызжащий соком, растекающийся по телу тонизирующим хмелем.

Еще на рынке, куда Ростика иногда посылали в качестве переводчика при кухонной челяди, состоящей разумеется из ламаров, появилось огромное количество орехов, всяческой зелени, специй и зерновых. Тут были не только четыре основных человеческих культуры – пшеница, ячмень, рис и кукуруза. Тут имелись еще и другие, да в таком ассортименте и качестве, что Рост даже пожалел, что никогда не проявлял особого интереса к ботанике. Но определенно Пестель тут погряз бы в фундаментальных описаниях и исследованиях.

А Ростiku особенно изучать открывшееся преимущество сельского хозяйства цивилизации пурпурных не удалось, потому что однажды Лодик, как было сказано, переступил порог его комнаты с таким выражением на мордочке, что стало ясно – надели перемены, и очень значимые. Ярк, ничего не говоря, собрал все имеющиеся книги, и, когда это было сделано, комната Ростика вдруг предстала на удивление голой и неудобной. Тогда Лодик уселся в свое кресло.

– Тебя вызывают к Фискату-т'Загернаут, – выдал он, вероятно, полагая, что своей фразой все сумел разом разъяснить.

– Кто это такой? – спросил Ростик.

– Тот, кто решает судьбу Савафа, – пояснил Лодик.

По интонации, по несколько замедленной речи можно было судить, что ярк высказывает это определение в высшей степени осторожно.

– Зачем? – спросил Ростик.

– Кажется, они хотят, наконец, пристроить тебя к настоящему делу. – И тут же Лодик поднял руку. – Только не спрашивай меня, к какому. Я в такие сложности не вмешиваюсь, у меня более скромные задачи.

– Еще один тест? – все-таки не удержался от вопроса Ростик, начиная переодеваться в свой самый чистый и красивый комбинезон. Благо, Карб сегодня не было, а то Ростик не знал бы, как и поступить.

– Это нечто, чего тебе следовало бы опасаться более всего, если бы ты понимал, что тебе предстоит, – туманно отозвался Ярк.

Сразу после завтрака в саду имения Савафа приземлился небольшой антиграв, за рычагами которого находились... Джар с Синтрой. Рост неожиданно обрадовался старым знакомым, но те были холодны. А спустя еще с полчаса появилась Пинса, которая, как быстро

выяснилось, вместе с Лодиком должна была представить человека неведомому пока начальству, и они поднялись в воздух.

На этот раз Рост вполне толково, едва ли не как настоящий разведчик, оценил расположение и протяженность Вагоса. Оказалось, город не просто вытянулся вдоль моря, но состоял, как цепь из разных звеньев, из разнообразных районов. По сути, это были разные города, среди которых Рост, к своему удивлению, увидел место, явно выстроенное Шир Гошодами, а потом почти с ужасом понял, что значительную часть Вагоса, и не в одном месте, занимают комши, по крайней мере, их башни возносились так горделиво, словно стояли тут веками. А может быть, так и было, решил Ростик.

Пролетели они немного, километров сто, и оказались у подножия очень зеленого и пологого холма, до самой верхушки заставленного вилами чегетазуров. И тогда стало видно, что нынешний дворец Савафа по сравнению с ними действительно выглядел деревенской лачугой. Здания были не только изумительно красивы, но при них имелись бассейны, в которых гуляли искусственные волны самых необычных форм, и деревья тут не просто росли, а составляли сложные, почти архитектурные комплексы, так что и непонятно было, как же выглядели эти растения в своем природном виде, а уж о сети разноуровневых дорог и тропинок, декоративных строений и обилия разнообразного зверья, явно одомашненного, и говорить не приходилось. Попав сюда, Рост подумал, что впечатлительному человеку тут трудно было бы жить, первое время даже он, не слишком склонный к сентиментальности, несомненно провел бы, разгуливая тут, как в Эдеме.

Но очень многого Рост рассмотреть не успел, Джар с Синтрой посадили их гравилет на выложенную розовым и коричневым мрамором посадочную площадку, Пинса тут же выбралась наружу и в сопровождении Лодика двинулась к дому, виднеющемуся за высокими кустами с очень крупными, похожими на сирень кистями цветов. Рост последовал за ними почти строевым шагом, хотя никакой стражи поблизости видно не было.

Наоборот, парк, как и сам дворец, поражал безлюдностью и огромными пространствами, свойственными, скорее, уже какой-то храмовой, а не дворцовой, традиции. А возможно, это и был своего рода храм, вот только главное его божество было не абстрактным, а вполне реальным, и Росту предстояло его увидеть.

Еще не войдя в сам дворец, Рост почувствовал ауру очень мощного сознания, тренированного, холодного, пожалуй что даже слегка бездушного, словно бы и не участвующего в этой жизни. Но тогда возникал вопрос – для кого же были созданы эти красоты паркового искусства, если самому хозяину они были малоинтересны? Впрочем, на этот вопрос, как и на многие другие, Ростик вряд ли мог получить ответ, он уже привык к этому и не слишком демонстрировал свое любопытство.

Они двинулись по бесконечной анфиладе комнат, и хотя Ростик не очень осматривался, вдруг он понял, что глядит на некий предмет... И не может от него отвести глаз. Предмет стоял на специальном столике. Собственно, по виду он представлял собой неясного назначения шкафчик с кнопками, от которого на проводах отходил некий шлем с клеммами, выведенными ровными рядами так, чтобы охватывать голову примерно человеческого размера. В передней части шлема, как раз напротив глаз, неярко светились небольшие оконца, в которых, если бы удалось этот шлем надеть, можно было бы увидеть... какие-то картинки в стереоскопическом исполнении, с очень правильными цветами и перспективой.

К счастью, у следующей же двери Ростика остановил стражник, вооруженный мечом, здорово смахивающим на римский гладиус, только со всякими завитушками и полудрагоценными камнями. Лодик чуть оглянулся и подмигнул Росту, словно предлагал ему подождать там, где его остановили. Сам он следом за Пинсой ушел куда-то дальше.

Рост тут же вернулся к странной машине и, оглянувшись на индифферентного стражника, быстро натянул шлем.

И тотчас его сознание раздвоилось. То есть умом-то он понимал, что находится во дворце неизвестного пока Фиската, но не мог, да и не хотел отвлечься от того мира, который видел и слышал перед собой посредством магического шлема. А видел он горы, озеро и совершенно невиданных, неизвестных животных, которые стадами бродили по этой... саванне. Подумав, Рост попробовал сделать шаг... И тут же понял, что упирается в край столика, на котором находилась чудесная машина, но в шлеме он этот шаг закончил, и никакого столика не было.

Тогда Рост только представил себе, что он... взлетает, взмахнув руками, как крыльями. И он действительно полетел, разом сделавшись не больше обычного сокола. Это было здорово! Ни о чем подобном Ростик прежде не знал, даже не подозревал, что такие штуки возможны.

Но на сознание давило что-то, находящееся вне его способности оценивать ситуацию, что-то странное. То ли музыка, то ли просто волна, подобная несущей частоте в радио. Он попробовал представить, что она исчезает... И не смог, она была свойственна машине. Тогда Рост попытался сделать так, чтобы его сознание приспособилось к этому давлению, поддалось ему, приняло, фигурально говоря, требуемую этой машиной форму. И это ему удалось, хотя как человеку, а не губиску, это было не слишком удобно. Но чтобы ощущать этот полет, видеть этот выдуманный мир, слышать шум реки под собой, различать, словно в подзорную трубу, дали, лежащие вокруг него, стоило постараться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.